

Трамвай

рассказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Позняк

Михаил Викторович Позняк

Трамвай

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63125741
SelfPub; 2020*

Аннотация

Эта история произошла в далекие 90-е, когда мы все были еще молоды и видели мир совсем по-другому. Многие с тех пор ушли, многие забыли или предпочитают не вспоминать, но восстановить цепь этих странных событий мне все-таки удалось. Все герои имеют реальных прототипов, пусть жили они не совсем там, а звали их не совсем так, как в этом рассказе. Обложка создана из фотографии Константина Павловича Антипова, любезно предоставившего ее автору рассказа для обработки. Содержит нецензурную брань.

Содержание

01	5
02	22
03	31
04	60
05	74
06	92

Михаил Позняк

Трамвай

«А мы пойдём с тобою, погуляем по трамвайным рельсам,
Посидим на трубах у начала кольцевой дороги.
Нашим теплым ветром будет чёрный дым с трубы завода,
Путеводною звездою будет желтая тарелка светофора...»
Янка Дягилева

Дверь с кривовато прилепленным листком «Трамвайное Общество Москвы. Добро пожаловать!» открылась с едва заметным скрипом. Паша проскользнул внутрь, скромно занял место где-то в последних рядах, поставил рядом тяжелую сумку с видеокассетами и огляделся. Заседание явно началось уже давно, и выступающий в данный момент Кирилл вещал, словно настоящий оратор, даже граненый стакан с водой у него имелся. Вот только говорил он то, что любой из их компании знал не только на зубок, а практически даже наизусть:

– Тогда, осенью 1891 года линии «Первого Общества конно-железных дорог в Москве» и «Второго (Бельгийского) общества» были объединены в единую сеть, заложившую основы современной трамвайной сети города. Были созданы общие тарифные зоны, пересадочные билеты для разных линий, а потом устроили и перевозку почты от вокзалов к Центральному почтамту. И вот, мы подобрались к главной дате – запуску электрического трамвая! Выбрано было примерно то же направление, что и для самой первой конки: от Страстной площади через Бутырскую заставу к Петровскому парку. Знаете, что современный № 27 идет практически по тому же пути? Да-да, пусть сильно укороченный, но это тот же самый маршрут 1899 года! Это была уже не «конка – догони

цыплёнка!»

Удивленный Паша выудил наконец-то из внутреннего кармана футляра с очками, которые он берег и на улице старался надевать пореже, боясь выронить и разбить. Когда еще новые сделают, да и стоят они... Мир вокруг сфокусировался и обрел новые подробности. Ах, вот оно что! Кирилл старался явно не для старых товарищей – те сидели с откровенно скучающим видом, временами машинально кивая головами в такт рассказу. Новенькие, две совсем юные девушки и длинноволосый паренек в модных очках – вот для кого ораторствовал их бессменный председатель! Это хорошо, ибо Общество давно уже не пополнялось, превратившись в монолитную группу самых упорных любителей трамвайного дела, и ничего интересного в нем не происходило. Если не считать того случая, который произошел весной с самим Пашей, и который расколол на какое-то время соратников на две группы с противоположными мнениями. Впрочем, поскольку доказательств у него не было, обе стороны в итоге сошлись на выводе, показавшемся ему достаточно обидным. А чем возразишь?

– Впрочем, номера трамваям присвоили только в 1908 году. А в 1911 году, когда город выкупил линии «Бельгийского общества», развитие трамвайной сети резко ускорилось. К началу Первой мировой войны было уже 38 маршрутов, плюс еще кольцевые «А», «Б» и линия парового трамвая. После Революции и разрухи Гражданской войны с 1923 го-

да начали строить новые линии в тогдашние подмосковные поселки Останкино, Ростокино, Покровское-Стрешнево. Да, тогда Москва была гораздо меньше. Но она стремительно росла, и городу был нужен транспорт, а ничего эффективнее трамвая не существовало. К 1931 году трамваи начали сцеплять в трехвагонные поезда, но и этого уже не хватало. Помните, как «до Зацепа водит мама два прицепа»? Это как раз про те времена.

Девушки недоуменно переглянулись, а парень неуверенно кивнул.

– Новый план 1927 года предусматривал постройку еще 133 километров путей, – продолжал Кирилл, не отрываясь глядя на одну из девушек, – Но одновременно с этим в 29-м начали снимать пути с центральных улиц. Ирония судьбы, но начали со Страстной площади, откуда все и начиналось. В планах было строить третье кольцо по Камер-Коллежскому валу, за которое принялись только сейчас. Нарком Путей сообщения Лазарь Каганович призывал проектировать новые трамваи, может быть даже двухэтажные. Три миллиона жителей – не шутка. Тридцатые годы – время расцвета московской трамвайной сети. Но одновременно это было и началом конца – в 35 году в Москве открылась первая линия метро. Все больше стало троллейбусов и автобусов, а трамвай постепенно стал уходить с московских улиц. Помните, у Дмитрия Кедрина?

«Даже маленькие дети

Станут седые и горбаты,
Но останется на свете
Остановка у Арбата
Где, ни разу не померкнув,
Непрестанно оживая,
Профиль юности бессмертной
Промелькнет в окне трамвая!»

– Знаю, знаю! – оживился парень, – Его коммунисты убили!

– Разве? – удивился Кирилл, сбитый с ритма неожиданной информацией, – За что?

– За то, что он диссидентом был! Как Солженицын! Я про это в «Огоньке» читал! Или в «Московском Комсомольце», что ли?

– Хм... В общем, я это к тому, что линию на Арбате закрыли как раз в числе первых. А потом и дальше начали убирать рельсы в центре города – так, например, в 57 году от городской системы оторвали целый куст маршрутов вместе с Артамоновским депо у Киевского вокзала. А потом и вообще переделали их на троллейбусное движение. В 65-м начали строить Савеловскую эстакаду – и наполовину отрезали соединение с северо-западной частью линий. В 71-м укоротили «Аннушку» до станции метро «Кировская». А в 73-м убрали рельсы с Большой Грузинской, отрезав северо-западную часть с Краснопресненским депо окончательно. Так что

– увы, не увидим мы больше, как карабкается трамвай в горку Рождественского бульвара или пересекает Госпитальный мост. Хотя некоторые – видят...

Кирилл иронично посмотрел на Пашу, гости обернулись тоже, но поскольку тот сидел с каменным лицом, продолжения не последовало.

А случилось с ним тогда, в тот хмурый промозглый апрельский день, действительно нечто странное. Развозя видеокассеты и диски по точкам реализации, он очутился в районе улицы Боровой и решил, что идеальным вариантом будет сесть на трамвай на Госпитальном валу и прокатиться на нем до Авиамоторной. Дойдя до остановки «Ухтомская улица» он оказался на ней почему-то совершенно один, на что в тот момент не обратил никакого внимания. Характерный звук подъезжающего вагона МТВ-82А его так даже очень обрадовал, не каждый день прокатишься на таком раритете! Не глянув на номер – а что, тут все в одну сторону едут, он погладил его темно-красный бок и вошел в раздвинувшиеся гармошкой двери с центральной перемычкой. Трамвай тронулся, набрал скорость, пульсирующе завывая и вихляясь на раздолбанном пути, а Паша занял одиночное сиденье по правому борту и застыл в блаженном оцепенении. И весьма не сразу он заметил, что пейзажи за окном, которые он видел традиционно-расплывчатыми, явно не совпадают с теми, какие должны быть по дороге. Какие-то старые

домики узкой улицы, смутно знакомой, но давно забытой. Поворот, еще поворот – и трамвай вдруг выкатился на Бауманскую улицу, к неопишуемому удивлению Паши. Когда двери открылись, он выскочил на улицу и судорожно надел очки, стараясь понять, что же это было. И ничего не понял – обычная толчея у ларьков, люди идут в метро или из него, по рельсам катятся угловатые Усть-Катавские трамваи. И только он стоит с раскрытым ртом посреди улицы. Вывод мог быть только один, и он озвучил его на следующем же заседании Трамвайного Общества:

– Ребята, на Госпитальном мосту движение восстановили, там снова трамвай ходит!

Все обрадовались, кто-то заплодировал даже. Кроме Кирилла, который подозрительно посмотрел на него и спросил, зачем тот так нехорошо шутит.

– Но я же там ехал позавчера! Трамвай повернул с Госпитальной площади направо к мосту, а потом выехал к Бауманской!

– Там такого маршрута не было никогда, – неуверенно произнес Юра, – С Госпитального вала направо 43-й поворачивал, но он потом налево уходил, к Волочаевской улице. А к Бауманской шел 50-й, но он к Госпитальной площади от Авиамоторной подъезжал. Что-то не так в твоём рассказе.

– А самое главное, что не так – это то, что никто там никаких путей не восстанавливал. Я утром мимо проезжал – как торчали из-под асфальта куски рельсов, так и торчат. Го-

нишь ты, Паша.

Потрясенный недоверием Паша кинулся было возражать, но быстро умолк, понимая с каждой фразой, как нелепо звучат его слова. А товарищи еще долго спорили, периодически призывая его подтвердить или опровергнуть тот или иной аргумент. А поскольку в злоупотреблении алкоголем или запрещенными веществами он до сих пор замечен не был, все сошлись на том, что он просто уснул и не заметил, как неизвестно откуда взявшийся ретротрамвай объехал по кругу весь район через Авиамоторную и Красноказарменную улицы, действительно переехал мост – только Лефортовский, а не Госпитальный, а там и свернул на Бауманскую. Правда, такого маршрута тоже отродясь не существовало, но кто их знает, хозяев этого раритетного вагона. В общем, как подвел итог злоязычный Кирилл: «Трамвай пришёл – да только не туда, зовут плясать – да только не меня».

Паша надулся, обиделся, и хотя поддразнивать его скоро перестали, в споры старался не лезть, чтобы ненароком не навести на эту тему. Зато он целый месяц рылся потом во всех газетах, пытаясь найти хоть что-то о восстановленном МТВ-82А, да так ничего и не нашел. И по сей день, идя вдоль трамвайных путей, оглядывался, не мелькнет ли где знакомый силуэт с изящно изогнутой над крышей дугой.

– Ну ладно, в следующий раз обсудим трамвайную историю Питера. Там все другое, вагоны другие, и вообще – ничуть не менее интересно было, – подвел итог Кирилл.

Все зашевелились. Юра вставил в замызганную «Электронику-302» кассету с любимыми песнями Общества:

«Ты утром ждешь его с нетерпением,

Ты ночью видишь трамвайные сны.

Эпоха трамвайного поколения,

Колёса стучат в ритме новой волны».

Эта песня «Биоконструктора» считалась их неформальным гимном, и Паша напевал ее иногда просто так, по случаю.

Кирилл оживленно беседовал с девушками. Незнакомый парень, оставшийся в одиночестве, подходил по очереди к образовавшимся группкам, пытаясь вступить в разговор. Рядом с Пашей плюхнулся Юра и пожал ему руку.

– Слышал, ты в Германию сваливаешь?

– Да кто это все выдумал-то? – недовольно буркнул Паша, – В Германию уезжает моя мама со своим новым мужем дядей Билли.

– А ты?

– На чёрта я им там сдался? Так и от семейного счастья ничего не останется. Я остаюсь тут, московскую квартиру караулить.

– Круто! Значит, тебе квартира остается? Можно замутить что-нибудь!

– Ну да...

Устроить вечеринку было неплохо, конечно. Но у него были совсем другие планы – предложить переехать к себе жить

Ане. В конце концов, они уже взрослые, не школьники какие-нибудь. Вот, сегодня вечером они встретятся, и он ей скажет, что...

– Паш, ты меня не слышишь, что ли?

– Слышу, слышу. Вечеринка и всё такое. Давай, побежал я. И так из графика выбился.

Подхватив свою тяжелую сумку, Паша вышел на улицу.

Паша был «дистрибьютором». Ну, как – дистрибьютором... В общем-то, просто курьером. Небольшая фирма, в которой он работал, состояла из двух человек – самого Паши и его одноклассника Костика, который и владел основными средствами производства: несколькими видеомагнитофонами и компьютером в корпусе full tower. Техника, под руководством Костика, денно и нощно штамповала копии зарубежных блокбастеров, а Паша, как неумолимый муравей, развозил результаты их трудов по киоскам с видеопродукцией восточной части города. Все началось в один самый обычный день, когда Костик, запихивая кассету в видак, привезенный некогда отцом из загранкомандировки, задумчиво произнес:

– Паша, а почему кто-то другой штампует эти кассеты, даже не задумываясь об их качестве? Почему не мы? Что мешает нам заняться этим бизнесом?

Получилось не сразу, но взяв напрокат у одноклассника второй видак (Типа, Терминатора переписать...), они запи-

сали первые несколько кассет. Потом прослышавший об их деле одноклассник стал требовать деньги «за аренду техники», но они уже смогли поднатужиться и купить еще один видеомэгнитофон. А там уже стало проще, тем более, что следивший за прогрессом Костик вовремя заинтересовался набиравшим силу форматом CD, а с недавних пор и совсем крутым DVD. Теперь все это уже крутилось в негласно арендованной полуподвальной комнатке, с которой начинался и заканчивался Пашин день. А Костик сидел там почти безвылазно, отлучаясь лишь за новыми фильмами.

Вот и сейчас Паша перебежал треугольник трамвайных путей Семеновской площади, приближаясь к очередному островку торговых палаток. Нужная ему находилась посередине, отличаясь некоторой вольностью обращения с русским языком в названиях товара. Кто там сегодня, Ашот или Карен? Ашот, вон его круглая голова с улыбкой до ушей из двери выглядывает.

– А, Паша – джан! Порнушку привез? Ха-ха-ха...

Эта фраза, которой он приветствовал Пашу всякий раз, не надоедала ему никогда. А может быть, он другой просто придумать не мог.

– На, принимай! – пожав плотную волосатую руку, Паша вытащил из сумки полагающуюся на эту точку стопку кассет и дисков.

– Щто привез? Хм... «Том и Джерри – Коматозники». Вах... «Адская дыра»... А, все-таки порнушка, да?

Ашот расхохотался, а потом, взяв Пашу за локоть, отвел его чуть в сторону.

– Слушай, тут про тебя люди спрашивали... Очень опасные люди... У тебя с «крышей» все хорошо, да?

Акцент из его речи вдруг полностью исчез.

– Все нормально, не течёт.

Паша постарался высвободиться из зажима и чуть отступил в сторону.

– Ну, я тебе сказал. Будь осторожен, да?

Ашот отсчитал ему деньги, ушел обратно в киоск, и его лицо приняло снова беззаботно-улыбчивое выражение.

«Да что за напасть такая, все же нормально было...»

На тот момент он еще не знал, насколько часто ему придется повторять эту фразу в ближайшие дни.

Аня, такая красивая, такая стройная в этом черно-красном плаще. При встречах с нею Паша никогда не снимал очки, любуясь ею, стараясь сохранить до следующего свидания малейшие черточки ее образа. Они учились вместе с первого класса, сперва дружили, а потом пришло первое настоящее чувство. Порой Паше казалось, что по какому-то удивительному везению ему посчастливилось найти ту свою единственную, которая понимает его с полуслова, которая живет тем же, что и он.

Они сидели на скамейке в парке Прямикова, а вокруг тихо шелестела листва старых тополей.

– Нам надо на какое-то время расстаться и все обдумать. – Аня аккуратно высвободила свою узкую ладонь из его пальцев.

– Что??? – Паше показалось, что на него рухнуло небо, – Почему?

– Потому, что наши отношения зашли в тупик.

Девушка пожала плечами и вздохнула, глядя куда-то вдаль.

– Но я же тебя люблю?

– Ты совершенно меня не слышишь. И не хочешь ни о чем думать. Мы с тобой уже взрослые, Паша. А что у тебя есть? Видеокассеты? Или трамваи твои, о которых ты готов говорить бесконечно? Этого мало, Паша. Ты ведь даже в институт поступить не смог. Какое у тебя будущее?

Ну, это было уже просто нечестно! К поступлению в МИИТ он готовился, и еще как! Кто же виноват, что от волнения он выронил очки, и они переломились пополам? Он был точно уверен, прижимая их остатки к лицу, что прочитал задачу правильно. Оказалось, что нет...

– Ну, и о чем ты сейчас думаешь? Впрочем, не отвечай, а то наговорим друг другу лишнего.

Она прикрыла ему теплой ладонью рот, и вдруг поцеловала его в щеку. А потом встала со скамейки.

– Ты хороший. Паша, и у тебя всё ещё получится. Прощай.

– Но ты... Не уходи! Или... Возвращайся, если сможешь...

Паша вскочил, с мольбой глядя на девушку.

– «Я трамвай последний буду ждать»? Эх, Паша-Паша...

Аня кивнула каким-то своим мыслям и, не оборачиваясь, ушла.

Паша стоял, беззвучно открывая и закрывая рот, совершенно растерянный. Потом махнул рукой, и пошел прочь. Сделав несколько шагов, он вспомнил про сумку и вернулся за ней. Посмотрел еще раз на опустевшую скамейку и содрогнулся от нахлынувшего чувства утраты. Еще ни разу в жизни женщина не предлагала ему «расстаться на некоторое время», но уже понимал, что на самом деле это означает «навсегда».

Окошко в полуподвале светилось уютным огоньком в ночи, следовательно, Костик все еще был на месте. Паша спустился по старым истертым ступеням и постучал в обитую жестью коричневую дверь.

– Кто там? А, это ты...

Костик выглядел как-то не очень. Молча, он взял у Паша сумку, заглянул внутрь и отставил в сторону. Паша сунул ему листок, где были записаны заказы из киосков. Костик покивал, читая список и пошел вдоль стеллажа, выуживая мастер-кассеты.

– Как дела? – спросил он, наконец.

– Как обычно. Ашот на порнушку намекает.

– Да пошел он... – с порнографией осторожный Костик

связываться не хотел принципиально, – А мрачный ты такой почему?

– Анька от меня ушла.

– Понятно. В смысле – не расстраивайся, девок много.

«А Анька – одна», – хотел было сказать Паша, но вместо этого спросил:

– А у тебя тут что случилось?

– Да... «Черные» опять приезжали. Спрашивали, на кого работаю.

– Ты Алёше сказал?

Алёшей звали крышевавшего их рэкетира. Причем, это было прозвище, а звали его чуть ли не Геннадием. Костик как-то называл имя, но Паша уверен не был.

– С ним, знаешь ли, как с Сатаной договариваться. Вроде и выполнит всё, о чем просили, только станет почему-то гораздо хуже, чем было. Да скажу я ему, скажу. Иди, отдыхай. А я запишу всё, что заказали, и тоже пойду.

– Ага...

Вышедший на улицу Паша с омерзением оглядел окружающий пейзаж, полностью соответствующий его настроению и отправился домой. Мутное небо с какими-то кляксами на нем, грязный тротуар, с которого бомж собирает пустые бутылки, равнодушные окна домов. Старая грязная машина, в которой сидит какой-то утырок и слушает свой шансон...

«Пустые споры, слов туман,

Дворцы и норы, свет и тьма,
И облегченье лишь в одном —
Стоять до смерти на своем,
Ненужный хлам с души стряхнуть,
И старый страх прогнать из глаз.
Из темноты на свет шагнуть.
Как в первый раз».

Паша так удивился, что даже достал очки, чтобы рассмотреть водителя. А тот уже открыл дверь и вылез на улицу.

– Привет. Тебя вроде Павлом зовут? Я не путаю?

– Привет. – Паша кивнул собеседнику, – Не путаешь.

Стоявший перед ним парень учился на пару классов старше и был смутно знаком. Как же его звали? Филя? Филиппок?

– Фил. Зови меня Фил. – Парень чуть заметно усмехнулся.

– Не ожидал услышать «Воскресение», – объяснил свой интерес Паша, – Да и тебя что-то давно не видел.

– В армии был, только весной дембельнулся. А ты? А, ну да... – он обратил внимание на Пашины очки.

– Ага. Астигматизм, без них только общие очертания вижу. Ну, и как там в армии?

– Армейка как армейка, что там может быть такого особенного? Служил, как все, в автобате грузовик водил.

– А сейчас на легковую перешел? – Паша кивнул на старую «четверку», цвет которой при свете фонарей определить

было нереально.

– Да, купил убитую. Движок перебрал, ездит пока. Вожу на ней мороженое с хладокомбината мелким оптом.

– А я – видео по киоскам развожу. Можно сказать, розницей.

– Точно, мне же про тебя Шурик рассказывал. Но он ещё вроде говорил, что ты в Германию то ли уже уехал, то ли собираешься уезжать.

– Вот же Шурик трепло... Не еду я никуда. Тут остаюсь.

– Ну, извини, если не так сказал.

– Да ладно... Мать вышла замуж за немца, вместе с ним и уезжает. А я этому Билли там – зачем?

– Теперь понял. Не понял только, почему Билли, а не Вилли, если он немец.

– Потому, что он Бюлент Йылмаз. Немецкий гражданин турецкого происхождения.

– Не любите вы друг друга, как я вижу! – усмехнулся Фил.

– А с чего любить-то? Я же не «прекрасная Лейла».

– Твою маму разве Лейла зовут?

– Мою маму зовут Ольга Петровна. Но теперь она Лейла.

– Вот оно, как бывает...

– Ага. А я – Паша когда он в настроении и «кляйне Шланге», когда нет, то есть – змееныш. В основном – второе. Извини, Фил. День тяжелый был. Пойду я уже.

– Да все нормально, увидимся.

Паша отправился к своему дому. А Фил запер дверь «четверки» и задумался. Не просто так прошла для Фила армия, оставила один след. И был это внутренний голос, который неожиданно появлялся в ключевые моменты жизни и производил одну-две фразы, но всегда в точку. Фил называл его Сержантом за определенное сходство с реальным человеком и никогда никому о нем не рассказывал. Но что означали слова «этот парень в опасности, присмотри за ним», так и осталось непонятным.

Утро. Паша потянулся в своей кровати, протер глаза и привычным жестом нащупал на тумбочке свои очки. В общем-то, по квартире, где он прожил всю жизнь, можно было передвигаться хоть с закрытыми глазами, настолько все было привычно и на своих местах, но наличие дяди Билли все же вносило свои коррективы.

Толкнувшись сперва в туалет (блин, занято), он умылся, почистил зубы, затем посмотрел на свою слабо пробивающуюся щетину. А, ладно, каждый день бриться – эстетизм, а все эстеты – сами знаете, кто. Вышел на кухню и брякнулся на табуретку, глядя на суетящуюся у плиты мать. Скоро они расстанутся, и очень надолго...

– Сынок, ты не забыл, что мы сегодня уезжаем?

Сегодня? Как – сегодня? Он был уверен, что до отъезда еще несколько дней! Какое сегодня число? Он что – перепутал?

– Дяде Билли оформили на работе выезд на сегодня, пришлось даже билеты менять, – продолжала мама, – Мы вчера тебе говорить не стали, ты выглядел таким уставшим.

Что? Но почему? Это настолько неважно, что ему и знать не надо?

Паша ошеломленно рассматривал предложенную ему

яичницу с кусочками обжаренного хлеба.

Они ведь даже с мамой так ни о чем и не поговорили! День – ночь, туда – сюда, то работа, то еще что-то, вот и всё...

– Мама, я...

– Лейла, ты гиде? – донесся из глубин квартиры недовольный голос.

– Иду, иду! Ты ведь придешь на вокзал проводить нас, сынок?

Мама мимоходом взъерошила ему волосы и выбежала из комнаты.

Паша вздохнул, через силу проглотил последний кусок яичницы, запил чаем, который почему-то не лез ему в горло. Потом оделся, молча протиснулся мимо раскорячившегося с чемоданом на весь коридор дяди Билли, подхватил свою сумку и вышел из квартиры.

На улице ветерок разгонял по небу редкие дождевые облака, но выглядело все как-то хмуро и уныло. А может быть, это просто так казалось одному Паше, а для других было все нормально. Навстречу попадались какие-то знакомые и полужнакомые люди, кто-то приветственно махал ему рукой.

В соседнем дворе возле своей «четверки» с раскрытым капотом стоял Фил и прислушивался к звуку мотора. В машине играло радио, передавали, судя по всему, смелую авторскую трактовку «Волшебника Изумрудного города»:

«Ветры злые налетели,

Да с Техасской стороны,
И умчали нашу Элли,
Лишь мелькнули хагены!»

– И тут им навстречу – мурмырдокская хрюря! – пробормотал Паша, вспомнив предыдущее творение авторов развселой радиостанции.

– О, Пашка! Вот ты где! А я тебе вчера звонил-звонил, какой-то мужик все время говорил, что тебя нет. Это тот самый немец, что ли?

«Вот уж точно – хрюря, – Паша без особой радости посмотрел на своего бывшего одноклассника Владика, – Сейчас опять своей эзотерикой грузить начнет...»

Всего какой-то год назад не помышляющий ни о чем таком Владик наткнулся на книжном лотке, где он искал какой-нибудь детектив или фантастику, на увесистую книжку, посвященную тайным духовным практикам. Сперва он листал ее без особого интереса, но автор с такой уверенностью рассуждал о всяких чудесах типа телепатии и даже левитации, что Владик не устоял. Прочитав же книжку от корки до корки, он был просто потрясен открывающимися перед ним возможностями, которыми он лишь по своему невежеству не может воспользоваться прямо сейчас. Понятно, что ни читать чужие мысли, ни двигать предметы руками у него не получалось даже самую чуточку. Наверное, автор утаил что-то важное, не пожелал делиться с неизвестным читателем за

просто так. Но есть же другие книги, есть же настоящие учителя, способные провести вставшего на этот путь ученика к вершинам тайных знаний! Нужно только их найти!

Тщетно Паша с Шуриком пытались уговорить его вернуться к более мирским занятиям. Владик был непоколебим.

– У меня такие новости, ты не поверишь! Я нашел!

– Что, очередные знания, утерянные человечеством? – Паша кивнул на зажатый у Владика под мышкой фолиант с какими-то то ли рунами, то ли иероглифами на обложке.

– Это про внутреннюю энергетику человека! – не смутился Владик, – А знаешь, откуда она у меня? Мне ее дал учитель! Самый настоящий гуру!

– Гуру? Где ты его нашел?

– О, это секрет, известный лишь посвященным! Ха-ха-ха, шучу! На самом деле, это он меня нашел. Представляешь, прямо так подошел ко мне и предложил стать его учеником!

– Ничего себе! А как он понял, что ты на всякой мути повернутый?

– Сам видишь! – Владик даже не обиделся на «муть». И заодно не уточнил, что произошло это возле очередного лотка с эзотерической литературой, вокруг которого он крутился к тому времени уже минут пятнадцать.

– Можно взглянуть? – подошедший к ним Фил протянул руку к книге.

Владик нерешительно посмотрел на него, но книгу все-таки дал.

– Пять полых органов, три нагревателя, ну-ну... Чакры крутятся, деньги мутятся...

– Да что ты понимаешь! – обиделся Владик, – Вот так открыл – и сразу говно? Не понял ничего, и сразу обосрал!

– Некоторые люди считают, что чем непонятнее написана книга, тем она умнее.

– Это кто такое сказал? – заинтересовался Паша.

– Некий Шикльгруббер. Ладно, мне ехать уже пора.

Отдав книгу возмущенному Владиду, Фил пошел к машине.

– Не знаю такого! – буркнул ему вслед Владик, – И вообще...

– Ну ладно, я тебя поздравляю, так что...

– Паш, погоди! Я же что тебе сказать хотел, мы вечером встречаемся с моим гуру, он будет лечить человека от энергетического пробоя и меня с собой возьмет! Поедешь за компанию? Он не против. Я и Шурика звал, да тот лишь ржет, как конь.

– Гм... А во сколько это будет?

– В семь у «Звездочки» на троллейбусной остановке, идет?

– Да пожалуй. Ладно, приду.

– Отлично!

Владик с жаром потряс ему руку и умчался. А Паша со своей неизменной сумкой пошел к подвалу, где Костик уже должен был подготовить заказанные фильмы. Какими бы

тайными не были знания, работу никто не отменял.

Белорусский вокзал. Толчея машин на площади, стоянки с мутными личностями, собирающими деньги с водителей. В стороне от киосков с пивом сомнительного происхождения и не менее подозрительными закусками слышались бодрые голоса наперсточников, гонявших шарик перед наивными приезжими из глубинки.

Паша вошел на территорию вокзала через боковую арку и без труда разыскал перрон, с которого отходил в скором времени берлинский поезд. Мама стояла у вагона и обрадовалась, увидев его.

– Мама!

Он подошел к ней и остановился, словно пытаясь запечатлеть в своей памяти ее невысокую фигурку. Сейчас, хотя бы сейчас надо успеть сказать так много...

– Лёлочка! Ты же не можешь уехать, не попрощавшись со мной!

Паша недовольно обернулся: по перрону спешила, заранее раскинув руки для объятий, мамина подруга, театральный критик Аделаида Латринская. Женщины взялись за руки и заговорили обе одновременно. Невольно шагнувший в сторону Паша тоскливо глянул на вокзальные часы – поезд должен был отойти вот-вот. В окне уже несколько раз появлялось недовольное лицо дяди Билли и снова исчезало в вагонном полумраке. А они все говорили и говорили, обсуждая

каких-то подруг, знакомых, полужнакомых и вообще неизвестно каких людей.

Свистнул подкативший электровоз, вагоны лязгнули в ответ буферами. Проводница решительным тоном предложила занять места согласно купленным билетам. Аделаида Латринская наконец-то закончила свою речь, расцеловалась с мамой и резво помчалась прочь.

Паша хотел подойти к маме, но вагон уже тронулся. Мама махала ему рукой из-за спины проводницы, собирающейся запереть дверь.

– Сынок, если нужен будет совет – звони Аделаиде Семеновне! Она тебе поможет! Святой человек!

Поезд уехал, мигнув на прощание красными огнями хвостового вагона. Вот и всё, не поговорили.

Встретившись на остановке с уже подпрыгивающим от нетерпения Владиком, Паша влез вслед за ним в забитый возвращающимся домой народом троллейбус № 16, на котором они доехали до Абельмановской заставы. Там они долго ждали возле «Шайбы», то есть ресторана «Закарпатские» узоры, и Паша уже начал думать, что его друга кто-то жестоко разыграл. Но нет, озиравшийся во все стороны Владик вдруг заорал «Вот он, вот он!» и стал махать невзрачному мужичку в кепке.

Гуру, представившийся Леонидом Яковлевичем, оказался до невозможности приветливым и улыбочивым человеком.

Он мило шутил, жестикулировал, рассказывал какие-то происходившие с ним словно сошедшие со страниц фантастических книг истории. Владик внимал, буквально раскрыв рот. Так они оказались в квартире какого-то взъерошенного, постоянно озиравшегося с непонятным испугом человека. Но в присутствии гуру больной вроде бы успокоился, пока тот рисовал непонятные знаки горящей свечой, водил над ним руками, а то и, как показалось Паше, откровенно лапал за те места, хватать которые мужчине вроде как не положено, если он, конечно, не уролог.

Судя по всему, эзотерическое лечение оказалось очень выгодным делом, потому что, закончив с умиротворенным пациентом, великий учитель отвез их в «Шайбу», где накормил неплохим ужином, пообещав открыть им в следующий раз самое важное, что должны знать и уметь новички.

– Ну что, ты видел, видел? – спрашивал восторженно Владик, когда они вылезли из троллейбуса на Таганке, – Он нас научит!

– Странно все это... И сам он странный. Суетливый какой-то. И вообще слишком уж всё хорошо, так не бывает.

– Ты что, не слышал, что он сказал? Мы – избранные, понимаешь? Неужели ты хочешь отказаться от такого шанса? Да он всего раз в жизни выпадать может.

– Ладно, звони.

Паша чувствовал себя совершенно вымотанным. Вернувшись домой, он какое-то время стоял, не включая свет в опу-

стевшей квартире. Потом лег на кровать, глядя в потолок и чувствуя, как мысли расплываются в звенящей пустоте. Незаметно для себя он уснул.

Утро. Из-за непривычной тишины Паша чуть было не проспал все на свете. Сперва он подскочил, оторопело глядя на будильник, но потом все же откинулся на подушку, решив дать себе еще пять минут лени.

Вот она, самостоятельная жизнь. Никто не поднимает тебя в школу. Никто не ходит по квартире, разговаривая во весь голос и полностью игнорируя твое желание поспать еще чуть-чуть. Теперь он – всё сам. Сам себе командир, когда вставать, что есть на завтрак...

Кстати, а что там есть на завтрак?

Вот так и рушится простое человеческое счастье. Кряхтя, он встал и прошаркал тапками к холодильнику. Плавленый сырок, недоеденный Билли листок пастармы, да слегка перезревший помидор. В пакете нашлась уже заветрившаяся горбушка. Ну, и пара плоских баночек из гуманитарной помощи, распространяемой в прошлые годы, с гордой надписью «Rindfleisch» на этикетке, но с удивительной для русского человека требухой внутри. Ладно, для утреннего перекуса сойдет. А к обеду что-нибудь, да и придумаем.

Подхватив сумку, он вдруг остановился в прихожей, обнаружив незамеченную вчера в темноте вещь. Телефон-автоответчик, привнесенный в квартиру дядей Билли, так и стоял

на прежнем месте, как ни в чем не бывало. Забыл он его, что ли? Ну, так вспомнит еще, наверняка позвонит и попросит передать с кем-нибудь из отъезжающих на родину сотрудников. Безалаберностью Билли не страдает, да и щедростью – тоже.

Выйдя на улицу, Паша уже привычно помахал возившемуся у машины Филу, тот махнул рукой в ответ.

Дойдя до подвальчика, он стукнул в дверь и вошел внутрь. Костик сидел с наушниками, весь в какой-то записи, и не сразу поднял голову.

– А, это ты. Привет. Почти все готово, только последний сидюк докручивается. Выпьешь чаю?

Выглядел Костик откровенно неважно, словно что-то его давило.

– Вчера забыл спросить, что там с черными? Ты с Алёшей про это говорил?

Паша налил в чашку заварку из щербатого чайничка и понюхал. Вроде бы даже на чай похоже. Молодец, достал где-то.

– Говорил... – Костик сморщился, – Приезжал он. Только неинтересно ему все это, мне кажется. Вот баба у него в машине была – это да, все время на нее оглядывался. Наверное, трахнуть хотел, а тут мы со своей ерундой.

– Красивая, хоть?

– Откуда мне знать? У него же тонировка по-кругу. Так, через открытую дверь заметил, когда она спросила его о чем-

то.

Системный блок зажужжал и выдал свежезаписанный диск, сверкающий маленьким круглым зеркальцем. Костик аккуратно вставил его в пластиковую коробку с уже отпечатанной обложкой и отдал Паше.

– Ты там постарайся побольше заказов набрать, а то на нас еще кредит висит, помнишь?

– Да уж. Я помню.

Кредит они взяли сравнительно недавно, на развитие своего дела, как советовали все руководства по созданию успешного бизнеса. Вот только выручка отчего-то резко вверх не пошла, вопреки уверениям ученых экономистов, а невысокие проценты заимели реальный шанс однажды превратиться в крайне негуманный «счетчик».

– Слушай, а зачем ты со всех видаков «морды» отвинтил? – вспомнил вдруг Паша давно занимавший его вопрос.

– Как – зачем? Чтобы потом их как новые продать, естественно! – даже удивился Костик.

– А, ну да. Ладно, я побежал.

Взгромоздив на плечо потяжелевшую сумку, Паша вышел из подвала и зашагал к метро.

Весь день он катался по своим привычным заказчикам, от разу к разу ощущая, что происходит что-то неладное. Да, с ним разговаривали, даже что-то обещали, но словно не всерьез, будто слова его ничего уже не значили. Какие-то объ-

яснения такой перемене он рассчитывал получить на Семёновской, но не повезло и тут. Вместо говорливого шутника Ашота работал молчаливый Карен, который лишь что-то буркнул в ответ, словно нехотя выдал деньги и скрылся в будке. Раздосадованный Паша шагал все дальше и дальше, размахивая опустевшей сумкой, забираясь все дальше и дальше в еще не исследованные им районы и даже подумывая временами о еще не охваченных ярмарках и радиорынках. Вот только для этого напрочь не хватало ни оборота, ни транспорта, на котором коробками можно было бы развозить товар заказчикам.

Впрочем, насчет транспорта вариант как раз имелся, причем буквально под боком...

Вернувшись на Таганку ближе к вечеру, он первым делом толкнулся в подвал, но там было закрыто. Подивившись неурочному отсутствию Костика, Паша вышел обратно во двор и обрадованно замахал руками, увидав въезжающую с улицы потрепанную «четверку».

– Привет! – сказал немного удивленный Фил.

– Привет! У меня к тебе дело есть!

Фил вылез из машины и заинтересованно повернулся к нему.

– Понимаешь, в чем дело... Нам нужно расширяться, иначе бизнесу хана.

– Ну да, это у всех так. Только чем я могу помочь? С деньгами у меня не очень, если только совсем чуть-чуть. Но у вас

же не настолько плохо, надеюсь?

– Я не о деньгах. У тебя есть машина, а в нее легко влезет чертова прорва кассет или дисков.

– А что, вариант! – Фил повеселел, – Берете меня в бизнес или просто нанять хотите? Можем обсудить и то и другое.

– Гм... – Паша не ожидал, что тот сходу заинтересуется, и готовился к долгой неспешной беседе с обсуждением, что да как, – Мне это надо с компаньоном обсудить. Я еще с ним не говорил, тебя первым встретил.

– А, ну поговорите, что ж. У меня все равно еще по мороженому договоренности есть. Как надумаете – свистните.

Они уже собирались попрощаться и разойтись каждый по своим делам, когда их окликнули. Обернувшись, друзья обнаружили подходившего к ним невысокого светловолосого паренька по имени Шурик.

– Здорово, злодеи! Что замышляете? К братанам на день рождения идете?

Паша кивнул. Фил мельком глянул на него и призадумался, пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– Чё за братаны? – спросил он, наконец.

– Ну, Мишка и Гришка же! Ты ведь в школе с ними дружил, я не путаю? Вот у них сегодня – день рождения. В смысле, у старшего.

Фил кивнул. Мишка и Гришка были сыновьями известного художника, но богемной пафосностью не страдали, оста-

ваясь нормальными веселыми раздолбаями. Он и впрямь дружил с обоими, но это было давно, еще до армии. А позже они как-то толком и не пересекались.

– Да меня никто туда не приглашал, вроде как...

– Да брось ты, Филя. Можно подумать, они тебе не рады будут. Просто забыли, наверное. Приходи вместе с нами. И гитару свою возьми, наверняка ведь что-то новое сочинил? А то вот так вроде рядом живем, а друг друга не видим. *Sic vives.*

Шурик учился на врача, поэтому любил вставлять в свою речь латинские выражения. А знал он их много, на все случаи жизни: «*Qua aut es ex dioecese?*» (Ты с какого района?) или «*Auscultare tu, ipse mentis quod?*» (Слышь, самый умный, что ли?). В общем, *Lingua latina est non penis canina.*

– Ну, пусть так. – Фил почесал затылок, – А что им в подарок нести?

– Пузырь какой-нибудь купишь. Это же братаны, а не встреча на высшем уровне в Георгиевском зале Кремля. Подгребай к семи к их подъезду, все вместе и пойдем.

– Пожалуй, да. Приду.

Никаких особых дел на вечер у него не было, так почему бы не повидать старых друзей? Все давно не школьники, живут какой-то своей жизнью, интересно – какой?

Попрощавшись с Пашей и Шуриком, Фил забежал в магазин, где и купил большую бутылку водки «Абсолют», кажется даже не палёной. Во всяком случае, название было написано

без ошибок.

До вечера оставалось еще время, так что он не спеша выбрал наименее грязные из двух пар джинсов, погладил самую приличную рубашку и призадумался. Про обед в суматохе дня он как-то забыл, а в холодильнике ничего особенного для перекуса не наблюдалось. А, ладно, что-нибудь в гостях перехватит. Взяв в руки свою выдавшую виды гитару, он начал настраивать её, что было не так-то просто ввиду одного сломанного колка, который приходилось крутить пассатижами. Но, рано или поздно, получилось и это. Отложив в сторону камертон, он надел приготовленные рубашку и джинсы, взял пакет с подарочной водкой, закинул гитару за спину и отправился к дому братанов.

Там уже бродил туда-сюда Паша, тоже с каким-то пакетом в руках. Чуть позже появился Шурик, за ним еще несколько знакомых и полужнакомых лиц, и вскоре всей толпой они ввалились в квартиру к братьям Мишке и Гришке.

– Поздравляю, дружище! – произнес Фил, вручая открывшему им Мишке пакет с подарком.

– Спасибо... – Мишка выглядел немного озадаченным, но, тем не менее, обнял его и пригласил к столу.

Там вовсю распоряжался его младший брат, который уже без всяких вопросов определил Филу место и переключился на других гостей, коих прибыло очень много. Кого-то Фил знал, здоровался, обменивался какими-то незначущими словами, других он видел впервые, по-видимому, это были од-

нокурсники кого-то из братьев.

Гомон понемногу стих, к столу проводили последнего запоздавшего гостя, и застолье началось. Кто-то из незнакомцев принялся произносить длинный велеречивый тост, и Фил до того трепавшийся с Мишкиным одноклассником Андреем наконец-то обратил внимание на сервировку стола. Гм... Бутылок было немало, можно сказать, что стол был ими уставлен. Судя по всему, фантазия большинства гостей в области выбора подарков оказалась ничуть не лучше, чем у Фила. Вон, его «Абсолют» в другом конце стола стоит. А перед ним – купленный кем-то виски. Если верить этикетке, конечно. Но проблема была совсем в другом – со жратвой братья явно решили не заморачиваться, выставив одну лишь легкую закуску, так что планы Фила рухнули в один момент.

«Ладно, буду осторожнее с выпивкой, – подумал Фил, – Посижу немного, а потом по дороге домой что-нибудь съедобное в ларьке куплю».

Но тот, кто распорядился его судьбой, имел на этот вечер совсем другие планы.

Тосты переходили по очереди от одного гостя к другому, все это запивалось виски из пресловутой бутылки, и Фил понял, что он начинает понемногу косеть. Оставалось дожидаться перекура и пойти подышать свежим воздухом из окна, а лучше даже на балкон. Поднявшись в свой черед, он произнес короткую речь о дружбе, не проходящей с годами, все снова выпили, и тут вдруг раскрасневшийся Мишка объявил

перекур.

Облегченно выдохнув, Фил подошел к окну, в которое вливался теплый воздух летнего вечера. На улице было необычно тихо, лишь откуда-то от киосков у метро доносилась музыка. Небо понемногу начинало переливаться оранжево-зелено-синими красками заката, на которых острой черточкой выделялась на горизонте Останкинская телебашня.

Рядом в комнате разбившиеся на группки гости обсуждали какие-то интересные им темы, к которым Фил не очень-то хотел прислушиваться. Но что-то долетало все равно.

– Пашка, привет! Я слышала, вы в Германию эмигрируете? По еврейской линии, да?

Фил мельком посмотрел на худенькую черноглазую девушку, подошедшую к его другу. Как её, Алла, что ли?

– Ну, не то, чтобы... – Паша попытался сформулировать мысль, что как раз он-то ко всему этому никакого отношения не имеет, но девушка его особо и не слушала:

– И правильно! Я тоже так говорю, нечего в этой рашке делать, уезжать надо! Скоро погромы начнутся, мне одни умные люди сказали! Мы ведь тоже уезжаем, ты в курсе?

– Нет... – замотал головой ошарашенный ее напором Паша.

– Это было так трудно, так трудно, но мы справились! Особенно к бабушке на интервью пристали, ты представляешь? Отчего такая пожилая женщина захотела вдруг уехать,

спрашивают. Ну, она как заладила: «Звонят, грозят, убить обещают, звонят, грозят, убить обещают...»

– Вам кто-то угрожал? – отлепился от окна Фил, – А что же милиция, прокуратура?

Алла взглянула на него с непередаваемым изумлением, затем сочувственно кивнула Паше: «Ну что тут поделаешь, если твой друг – идиот» и вышла из комнаты.

– О ком это она говорила? – снова спросил Фил, – Может, ей помочь нужно?

Паша неопределенно пожал плечами.

– Филя, ты тут? – среди гостей протиснулся Гришка, – Кажется, твою гитару сломали, с колком фигня какая-то.

– Так и было! – успокоил его Фил.

– А, тогда ладно. Сыграешь нам что-нибудь? Например, ту, старую, где ветер, ночь и фонари?

– Именно эту? Думаешь, она к месту сейчас будет?

– Да у тебя всё к месту. И Мишка её любит.

Гриша сунул ему в руки гитару и снова исчез среди гостей.

Недоверчиво хмыкнув, Фил устроился с гитарой на стуле, посмотрел в окно на сгущающийся вечер и взял первый аккорд:

«В дрожащих окнах ветра завывания,

Унылых фонарей струится свет.

В углу возникло странное создание,

Что смотришь на меня, тебя же нет?

Ты не возникнешь в мире существующем,

И не войдешь сквозь темноту дверей.
Ты где-то в этом ветре, в окна дующем.
И в полуночном свете фонарей.
Таблетки заглушили интеллект.
Казалось, будет жизнь такую светлую,
Жемчужиной, сверкающей и редкою,
Какой не будет, не было, и нет».

Он сочинил эту песню давно, еще до армии, темным осенним вечером. К неторопливым летним сумеркам она не подходила, по его мнению, совсем, но в комнате отчего-то наступила тишина, в которой на него смотрело множество пар заинтересованных глаз. Особенно вон та блондиночка, как её, Таня? Лена? Точно, Лена. Из Гришкиного класса, вроде бы...

«От шумных магистралей вдалеке,
Среди неясных запахов и звуков,
Мы заблудились в лабиринте переулков,
И вышли неожиданно к реке...»

Песня закончилась. Несколько секунд все молчали, а потом заговорили разом. Старые знакомые одобрительно кивали и предлагали наперебой названия других его песен. Незнакомые однокурсники братанов оживленно обсуждали запомнившиеся слова.

– Как тонко, умно! – восхищался кудрявый паренек с по-

родистым лицом.

Фил отставил в сторону гитару и сглотнул. Вот сейчас надо бы что-нибудь выпить. Что-нибудь этакое безалкогольное...

– А ты как из армии вернулся, так больше ничего и не сочинял? – поинтересовался устроившийся в первом ряду Шурик, – Или есть что-нибудь?

Армия... Перед глазами Фила всплыла разбитая дорога между гор, по которой втягивалась на перевал колонна «зилков», ведомая запыленным бронетранспортером с задраным стволом пулемета. Тяжелый горячий руль в руках и покачивающиеся в кузове едущего перед ним грузовика силуэты бойцов в выцветшем от южного солнца камуфляже.

Он снова взял в руки гитару и ударил по струнам в рваном, как эта дорога, размере:

«Нарисуй мне дом,

Ведь тебе не придется в нем жить.

Нарисуй мне холм,

Ты с него не увидишь, кого же убить,

Нарисуй мне дым,

Это я улетаю от вас в облака.

И вот я стал другим.

А ты все дальше идешь, твоя ноша легка.

Нарисуй и раскрась –

Все, что нам предстоит.

Городов дымных грязь,

Проституток и СПИД.
Нарисуй и раскрась,
Всё, как есть, от души.
И тогда свою страсть
Навсегда потуши.
Нарисуй мне мир,
Где нету ни горя, ни зла,
Где нет черных дыр,
Где у лодки всегда два весла.
Нарисуй мне сад,
Где когда-то окончится путь,
Нарисуй мне ад!
И себя не забудь».

На этот раз на него смотрели с каким-то ошарашенными лицами. Кто-то явно ничего не понял, кто-то сделал вид, что понял. В задних рядах шепотом спрашивали «о ком это он?» Фил понял, что сейчас ему горло сведет окончательно, прислонил гитару к шкафу, вежливо поклонился публике и вышел на кухню.

Ничего безалкогольного он там так и не обнаружил, зато нашел граненый стакан, который наполнил водой из крана, выпил и наполнил снова.

– Классная песня! – в кухню заглянула рослая девица с выбритыми висками и пышными кудрями на макушке, отчего голова её напоминала капусту брокколи, – И размер такой

интересный. Двадцать восемь тридцать вторых, что ли?

– Может быть! – заинтересовался Фил, который играть научился самостоятельно, в пику своей тогдашней девушке, – А ты в этом разбираешься?

– Ага. Я на руководителя дошкольных учреждений учусь, нам и музыку заодно преподают. Ой, блядь, что-то ссать хочу, аж не могу. Я подойду ещё.

Приветливо улыбнувшись, будущая директриса детского сада исчезла за дверью туалета.

Вздыхнув, Фил принялся за второй стакан, а заодно и поставил на плиту выдавший виды чайник. Братаны явно не рассердятся, если он заварит чай. А то что-то опять накатывает с этого «виски»...

– А, вот он, здесь! – в кухню заглянул кудрявый парень, а вслед за ним вошли еще трое, – Вы Филипп, правильно?

Все четверо представились, оказавшись и впрямь однокурсниками Мишки. Правда, кто из них Андрей, а кто Сергей, Фил забыл уже через минуту, но этого никто и не заметил.

– У Вас такой интересный подход к стихосложению, свежий, необычный! Словно Серебряный век нашего времени! Скажите, у кого Вы учитесь? Или Вы уже закончили? Михаил молчит, только улыбается в ответ. Это какая-то тайна?

Сбитый с толку потоком вопросов Фил, которого понемногу заливала новая волна опьянения, только кивал в ответ. Он и рад был бы ответить, что поступил на вечернее от-

деление во ВТУЗ ЗИЛа, но никак не мог вставить свое слово в пространный поток рассуждений о принципах стихосложения.

За спиной на плите засвистел чайник, и Фил, вежливо сделав знак рукой – мол, момент, подождите немного, занялся тем, чем и собирался с самого начала. Распахнув створки кухонного шкафа, он внимательно осмотрел заставленное чашками, ложками и прочей утварью пространство, пытаясь найти где-то спрятавшийся пакетик с чаем. Так и не обнаружив искомое, он открыл крышку заварочного чайника и заглянул внутрь. Заварка там была, причем довольно свежая – можно залить еще раз.

«Вторая производная...» – пробормотал он.

И обернулся, почувствовав разом сгустившуюся тишину. Все четверо смотрели на него так, будто только что он произнес что-то очень неприличное.

– Так ты – технарь... – вымолвил кудрявый, – Оно и видно. Стихи так себе, работать еще над ними и работать, дворовый уровень...

Потерявшие к нему всякий интерес будущие литераторы занялись своими разговорами, снизойдя лишь, когда Фил предложил испить им заварившегося чая. Сам же он устроился в углу, возле свисающей с потолка уютной красной люстры, чувствуя, как от чая постепенно становится легче. Настолько легче, что голоса, прежде отдававшиеся в ушах невнятным бубнежом, стали звучать вполне осмысленно.

– Вы знаете, это задание в редакции хотели получить многие, но доверили его – мне!

Парень в костюме и с зализанными волосами в стиле комсомольских вожakov прежних времен, рассказывал о своем успехе под одобрителные кивки остальных:

– Тема – богатейшая! Репрессии 37 года! Я хочу начать так: «Это был небольшой лагерь, на миллион человек...»

– Каких же он был размеров? – не удержался Фил, – С Москву, наверное?

– Что? При чем здесь это?

– Ну, ведь у нас городов – миллионников не так уж много в стране. Какой-нибудь областной центр типа Красноярска или Перми до миллиона до сих пор не дотягивает, а ведь дома в них – многоэтажные.

– И что?

– Как – что? Теперь берем этот миллион и распихиваем в одноэтажные бараки. Какая получится площадь такого лагеря? Сколько людей понадобится, чтобы периметр охранять?

– Я пишу о злодеяниях Сталина и Берии, а не о каких-то периметрах! – возмутился «комсомольский вожак».

– И что же делал Берия в 37-м году? – еще раз удивился Фил.

Судя по попавшейся ему недавно на глаза биографии верного сталинского соратника, в это время тот осушал болота и поднимал урожаи цитрусовых в родной Грузии, а в Москву был вызван гораздо позже, но мало ли...

– Как это, что делал Берия? Все знают, что сталинский палач Берия был начальником КГБ!

– И всё?

– И всё! Стыдно быть таким необразованным человеком, Филипп!

Пожав плечами, Фил зачем-то заглянул в опустевшую чашку и вышел из кухни. Четверка литераторов осуждающе посмотрела ему вслед.

В коридоре было довольно темно, свет падал лишь из открытой двери в комнату, где продолжалась гулянка. Заметив какую-то возню в углу, Фил собирался пройти мимо, но остановился, разглядев явный беспорядок: какой-то сильно нетрезвый гость откровенно лапал молча отбивавшуюся от него блондинку.

– Слышь, парень, – миролюбиво предложил Фил, – Отстал бы ты от неё. Видишь, не хочет она.

– А ты еще кто? – возмутился тот в ответ, – Да пошел бы ты на...

Уточнить куда «на» он не успел, потому что, легко уклонившись от попытки схватить за воротник, Фил хлопнул его ладонью в переносицу, отчего неудачливый кавалер сел на задницу, растерянно моргая глазами. Пришлось нагнуться, приподнять за плечи и оттащить его к стене приходить в себя – не оставлять же посреди коридора.

– Тебя ведь Филипп зовут, да? – спросила блондинка, за-

интересованно наблюдая за происходящим.

– Да, можно коротко – Фил. А ты... Лена?

– Надо же, помнишь! Я думала, что ты в школе на такую мелочь, как мы, вообще внимания не обращал.

– Ну, сейчас-то ты совсем не мелочь.

– Точно! – блондинка рассмеялась, – Тогда давай продолжим наше знакомство. Я знаю, где тут бутылка шампанского притырена.

Пить шампанское в данный момент ему хотелось меньше всего, но как можно отказать девушке с такими сияющими серыми глазами? А она уже достала откуда-то бутылку «Асти спуманте» и призывно помахивала ей перед Филом. Потом схватила его за руку и потащила на кухню, неожиданно оказавшуюся пустой.

– А где же... эти? – удивился Фил.

– Кто? Мальчики-зайчики? А они как увидели, что ты с их товарищем сделал, сразу мигом и смылись.

В общем, пролилось шампанское на старые дрожжи. Дальнейшее вспоминалось потом Филу какими-то яркими эпизодами, между которыми была абсолютная пустота в памяти. Вот они пьют шампанское из каких-то кружек, потому что бокалов в кухне просто нет. Вот, он уже целует Лену, буквально стекающую по нему. В коридоре снова какой-то шум, он выглядывает туда и получает сходу палкой по голове. Новый замах, но палка уже перехвачена и вырвана из рук непонятно кого, в темноте не видно. И той же палкой он бьет в

ответ, отчего та ломается вдруг пополам. Неизвестно откуда появившийся Шурик проверяет чей-то пульс и весело сообщает:

– Tunc juvenis aderat, et nunc abest! Ex animo!

– Что он сказал? – удивляется жадно разглядывающая драку Лена.

– Был пацан – нет пацана! – отвечает выучивший уже наизусть выражения друга Фил.

– Ты и это знаешь? Ты мой герой...

Потом они почему-то уже в кладовке, а ее руки, спеша, расстегивают его джинсы. И ему так хорошо, что его мозги сейчас просто вылетят через член. Вылетают... Вылетели...

Утро, ясное раннее утро. “In my heart, in my mind, in my soul...” Он провожает любимую девушку домой, и все кругом прекрасно.

Когда он проснулся, было уже десять утра. Голова откровенно трещала, но настроение было все равно отличное. Впереди хороший день, сейчас он позвонит Леночке и... А куда он ей позвонит, собственно? Он же не знает ее телефон, да и квартиру тоже, до подъезда провожал. Косяк... Зато он знает, кто ему сейчас все это скажет!

Он набрал с детства знакомый номер, подождал, когда снимут трубку и ответят сонным голосом: – Аллё?

«Мишка или Гришка? А, без разницы»

– Привет, это Фил!

– Фил? Правда, это ты? А мы думали, ты где-то в квартире спишь! Гитара твоя тут стоит... – удивился Мишка или Гришка.

– А, заскочу сегодня, заберу. Ты мне лучше скажи, какой телефон у Лены? Ну, блондинка такая, вчера у вас была...

– Ленка? Нахрена она тебе? Она же ребенок совсем ещё. Ну что, записывай: два-семь-два...

«Ни хрена себе ребёнок!» – подумал Фил, записывая номер на клочок газеты, но ничего говорить по этому поводу, естественно, не стал.

– Ты вообще молодец, что пришел, – неожиданно добавил Миша или Гриша, – Заходи, мы тебе всегда рады. Ну, пока...

– Спасибо! Пока!

Повесив трубку, он снова ее схватил и набрал заветные цифры.

– «Аллё-о?»

– Доброе утро, любимая!

– Да, кто это? Филя, это ты? Прости, милый, я сейчас не могу разговаривать – мой парень спит, не хочу его разбудить.

«Кто??? Какой еще парень у нее спит???» – чуть не подавился Фил.

– Понимаешь, он иностранец, он хочет взять меня замуж, и тогда мы уедем отсюда, – продолжала Лена, – Филя сердится? Ну, не дуйся! Может быть, еще увидимся! Пока-пока!

Ту-ту-ту...

«Америкэн бой, я хочу быть с тобой...»

«Сейчас – сейчас! – переполненный яростью Фил, путаясь в штанинах, влез в джинсы, – Вот сейчас ты огребешь, неведомый герой!»

Натянув футболку, он впрыгнул в стоптанные кроссовки и ринулся к двери, пыхтя как закипающий чайник:

«Она будет моей! И хрен кто подойдет! Я буду заколачивать бабки, а она...»

«А она будет трахаться со всеми, кто ей понадобится в следующий раз», – привычно подсказал Сержант.

«Мля...»

«Но ведь ты не будешь на нее сердиться, милый? Она ведь для вас старалась, потому, что так лучше...»

Фил остановился в дверях, не зная, то ли выругаться трехэтажным матом на весь подъезд, то ли выпить «Сльнчева Бряга» прямо из горла, то ли просто поехать на работу, пока еще не поздно.

Покачавшись с полминуты с пятки на носок, он выбрал последнее, тем более что злость понемногу схлынула, оставив одно лишь разочарование. Тоже мне, любовь с первого взгляда, етить-колотить...

Спустившись во двор, он сел в свою «четверку», завел двигатель и привычно защелкнул съемную панель магнитолы.

«Наутро встанем, бо-бо головка, Тебя спрошу я, ты кто такая? Ты мне ответишь, я сразу вспомню, Потом оденусь,

пойду в контору».

– Вот, сука! Подглядываете вы за мной, что ли? – он стукнул рукой по многострадальной панели, и магнитола, мигнув, переключилась:

– Итак, главная задача нашего премьер-министра – получить транш от Международного валютного фонда, без которого будет невозможно...

– Вот же дерьмо! – сплюнув в приоткрытое окно, Фил тряхнул головой, затем включил первую передачу и выехал со двора.

На следующий день, изрядно помотавшись по городу, Фил заехал под вечер на треугольник у метро «Марксистской», чтобы перехватить там чего-нибудь съестного. Рынок встретил его привычной толкучкой начавшегося вечера, уже зажегшимися электрическими лампочками и ярким новым плакатом «Апельсиновый сок прямо из Америки – а там плохого не пьют!»

– Ага, всё сюда присылают! – буркнул Фил, углубляясь в торгующие продуктами ряды.

Возле прилавка, где торговали разнообразными консервами, он обнаружил Пашу с его привычной, уже опустевшей сумкой. Парень вертел в руках большую банку с тусклой этикеткой, разглядывая ее со всех сторон.

– Мое почтение! – поздоровался Фил, – Что это тебя так заинтересовало?

– Привет! Да что-то не пойму, что тут написано – человечина, что ли?

– Человечина! Скажешь, тоже! – расхохотался длиннорылый продавец.

– Да «яловичина» – обычная говядина, просто по-хохлацки написано! – объяснил ему тоже засмеявшийся Фил.

– Ясно, тогда я возьму пару банок, – Паша полез в карман за деньгами, – Я теперь один живу, надо какой-то запас дома держать.

– А, так твои уехали все-таки?

– Ну да.

Паша отошел от прилавка, высматривая, чем бы разнообразить вечернюю трапезу. Хлеб, сыр, яйца – что еще нужно не отягощенному кулинарными изысками парню?

А Фил остановился купить картошки у пожилого человека восточного вида с тубетейкой на круглой бритой голове.

– Служай, брат, а это твоя машина, да? – неожиданно спросил продавец, тыча перепачканным пальцем в сторону припаркованной у гастронома «четверки».

– Моя! – подтвердил Фил.

– Брат, ты никуда больше не едешь? Выручи нас! Уже закрываться пора, а Рашид не приехал! Тут совсем немного! И недалеко!

– Тогда картошка бесплатно. И на бензин добавишь. А недалеко – это где?

– Рядом! Печатники! – радостно ответил восточный чело-

век, подтвердив опасения Фила.

– Ну... ладно. – ехать в тот район вечером не хотелось совсем, но заработать еще немного денег тоже не мешало, – Когда вы сворачиваетесь?

– Минут через десять уже подходи! Меня Калимбетом зовут! – продавец схватил руку Фила и с жаром ее потряс.

Ну-ну... Прихватив на всякий случай картошку, Фил отошел к стоящему невдалеке Паше, с которым уже оживленно беседовала девушка со светлыми волосами, торчавшими во все стороны как пушинки одуванчика. Как её, Ира, что ли?

– Привет! – девушка мазнула по нему взглядом и снова переключилась на Пашу, – Я не поняла, а ты потом к ним приедешь, что ли? Когда квартиру продашь?

Паша обреченно вздохнул и уставился в небо, пламенеющее закатом с четким силуэтом «высотки» над домами. Рассказывать подробности всем и каждому ему решительно осточертело. Тем более, что Ира особенно его и не слушала, треща о чем-то своем:

– А Ленка Смирнова – слышал? За принца замуж выходит! Везет же некоторым, да?

– За какого еще принца??? – уставился на нее задетый за живое Фил.

– Какого-какого... За сирийского! Во дворце будет жить!

– Разве Сирия – королевство?

Фил был поставлен ее словами в тупик, ибо в голове его крутился какой-то Хафез Асад, который хоть и правил там

с незапамятных времен, но королем вроде бы не был. Или был?

– Откуда мне знать, что у них там? Да и какая разница? – Ира тряхнула своей головой-одуванчиком, – Вот только я думаю, что принцессой быть неинтересно. Сидишь себе во дворце рядом с принцем, послов каких-нибудь принимаешь. Скучотища...

– А кем бы хотела быть ты? – с отсутствующим видом спросил Паша.

– В смысле – чьей-то женой? Сидишь, мужа вечно ждешь, как дура... Не, я хочу быть любовницей! Один богатый мужчина ушел, другой – пришел, и всё – тебе... – Ира мечтательно зажмурила глаза.

– Эмм... – Паша усиленно пытался подобрать приличный ответ, но раздосадованный разговором Фил рубанул напрямую:

– Какая же это любовница, когда это самая обычная блядь?

– Фи... Скучные вы какие-то.

Смерив взглядом двух явных неудачников, неспособных «одарить её поцелуем в Париже или в Риме» согласно известному гимну социальной проституции, Ира ушла в подземный переход и через минуту присоединилась к стайке девиц, курящих под мигающей вывеской казино «Винсо Гранд».

«Униформа это у них какая-то, что ли? – подумал Паша, разглядывая их, – Лосины леопардовые, начесы блондини-

стые, словно из фильмов студии «Приват»... Прав был Овидий – рада барану овца, быком наслаждается тёлка, для плосконосой козы сладок нечистый... Нечистый...»

Девушка в пиджачке с накладными плечами повернулась, протягивая Ире зажигалку.

«Аня???»

Паша снял очки, протер их об рубашку и снова растерянно уставился на расхохотавшихся над чем-то девушек. Потряс головой, зажмурился, но наваждение не проходило. Мигала вывеска, переключались на площади светофоры, двигались потоки машин, к остановке подъехал 27-й троллейбус. Но для Паши в этот момент мир сжался в крохотный, словно кадр из фильма, застывший фрагмент.

Дверь казино хлопнула, распахнувшись, и оттуда вывалилась веселая компания братков. Наваждение спало. Паша видел, как они подошли к девицам, и один из них, удивительно знакомый, по-хозяйски хлопнул Аню пониже спины. Аня засмеялась.

«Алёша! Это же ты, ёкарный...»

Коротко переговорив, братки подхватили девушек, сели в машины и уехали. Паша долго смотрел вслед «Гелендвагену» с козырным номером «777», пытаясь сформулировать хоть что-то из обрывочных матерных фраз, метавшихся в его голове. Потом он зло дернул головой, подхватил чуть не забытую сумку с покупками и поплелся домой.

А рынок уже начал закрываться, и Калимбет, упаковавший остатки товара, призывно махал Филу рукой.

По дороге в Печатники он долго и многословно рассказывал про свою многострадальную родину, где совсем не осталось работы и поэтому все люди, даже самые уважаемые, едут в Россию. Вот, его зять – бухгалтер, а вынужден канавы копать, и так далее, и тому подобное...

«Зато, когда русских выгоняли, очень весело было!»

Фила так и подмывало сказать эту фразу, но к вечеру он устал, и ругаться лишний раз не хотелось.

Затем Калимбет начал выспрашивать его о том, как попал в Москву сам Фил, и был сильно раздосадован, когда понял, что тот коренной москвич с Таганки. Видимо, в его голове уже зрел хитрый план, как и товар отвезти, и денег не заплатить. А тут вырисовывалась не иллюзорная возможность или огрести трендюлей от местных или резко менять место торговли. Все это хорошо читалось по его лицу, и Фил посмеивался про себя, наблюдая за ним.

Сдав Калимбета на руки толпе встречавших соотечественников и получив оговоренную плату, Фил не спеша пошел домой. У Пролетарской он остановился на светофоре, меланхолично глядя на мерцающее ярко-голубыми огнями казино «Кристалл». На тротуаре стояли машины посетителей, и между ними он вдруг увидел знакомое лицо: Алёша о чем-то беседовал с горбоносим кавказским мужчиной. По-

том они хлопнули друг друга по плечам и рассмеялись.

Светофор переключился на зеленый. Фил тронулся с перекрестка и сразу же забыл о них. Он очень хотел спать.

Дома он добрался до дивана и рухнул на него, рассчитывая все же через несколько минут встать, чтобы приготовить немудреный ужин. В квартире стоял полумрак, радио на кухне негромко играло легкую музыку, и он почувствовал, как его затягивает в сон.

«Может, это только сон, а может – нет.

И приходят вновь ко мне мои мечты.

На ладони у меня растаял след.

И далёкий образ твой

Манит и зовёт с собой...»

Голос Риты Суханкиной обволакивал сознание, унося куда-то в далекие годы беззаботного еще дошкольного детства. Такой же полумрак, на потолке отсвет уличного фонаря. По всей комнате собрались тени, но привычные, не страшные. Скоро вернутся с работы родители...

Мир неожиданно вывернулся, собрался заново, и он вдруг увидел захламленный пустырь под тяжелым серым небом, затянутым плотной пеленой облаков. Мгновение ничего не происходило, потом прямо посередине прорезался прямоугольный контур, будто распахнулась дверь, и оттуда полился желтый свет. И сразу же, от дверей ржавого жестяного ангара к нему, что есть сил, побежали трое. Бегущий первым долговязый парень вдруг споткнулся и начал падать, а отку-

да-то издали прилетел запоздалый звук выстрела. Но остальные двое, парень и девушка, подхватили его и чуть не кубарем влетели все вместе в светящийся проем. Сияние моргнуло, вспыхнуло на миг и исчезло, не оставив никаких следов на грязном пустыре под безнадежно-серым небом.

Фил рывком подскочил, оглядываясь вокруг себя. Комната, сумерки, даже песня еще не закончилась:

«В памяти прошедших дней, далёких лет

Тихий ветер повторил слова твои.

В темноту полночных грёз пробился свет,

Только смех счастливый наш

Был моей мечты мираж...»

Фил вышел на кухню и выдул чуть ли не половину чайника холодной воды. Его немного потряхивало, а в голове крутилась мысль, что он увидел что-то такое, что видеть нельзя.

Закончив развоз мороженого к середине дня, Фил подсчитал прибыли и убытки, привычно отметил, что вышло маловато, и так же привычно поехал «бомбить». То есть, подвозить всех желающих воспользоваться услугами такси. Вместительная «четверка» для этого подходила просто отлично. Ближе к вечеру он остановился возле призывно махавших руками двух кавказцев с объемистыми перевязанными веревкой тюками на тротуаре. На воров, вынесших квартиру в соседнем доме, они похожи не были, и Фил определил их как коммерсантов, спешивших доставить товар до конца торгового дня. И точно, тем нужно было поскорее отвезти их груз на вещевой рынок, что раскинулся перед Ледовым дворцом ЦСКА на Ленинградском проспекте между метро Динамо и Аэропорт. Ребята спешили, цену предлагали хорошую, так что Фил согласился.

Запихнув тюки в багажник, кавказцы влезли в машину и начали оживленно разговаривать на своем языке, периодически расточая уже на русском комплименты водителю за быструю езду. Машина ехала, улыбающиеся Вахтанг и Гиви, как они представились ему, выглядели приветливо и безобидно, но Фил начал понемногу напрягаться. А дело всё было в том, что оба парня выглядели как стопроцентные армя-

не, и пусть он не знал их языка, но в армии-то родной наслушался всякого и уж «кунем ворэт» от «шени дэда» или «сыктыр гёт» отличил бы точно.

К чему все это было, он понял лишь при разгрузке у первого ряда рынка.

– Гиви, дай ему денег! У меня нет, Вахтанг, ты заплати! – и пока он оборачивался от одного к другому, исчезли оба, бесследно растворившись в лабиринте проходов между контейнеров.

– Тьфу на вас, черти!

Раздосадованный, что его провели так элементарно, Фил приподнял заднюю дверь, чтобы захлопнуть ее посильнее, но вдруг заметил оставшийся у самого заднего сиденья невзрачный сверток. Подозрения разыграли с новой силой, и он заозирался по сторонам, выискивая взглядом бегущих к машине оперативников ОБОНА. Но вроде бы ничего похожего не наблюдалось, рынок торговал, как ни в чем не бывало, и Фил успокоился. Достав рабочие перчатки, он осторожно развернул сверток и обнаружил в нем вполне приличную кожаную куртку, выпавшую, по-видимому, из неплотно завязанного тюка.

Ну что же, в любом случае – не зря съездил. Захлопнув дверь, Фил запер ее ключом, сел за руль и не спеша покатил в сторону дома. Лезть в это время в центр не хотелось, поэтому после Белорусского вокзала он подумал, да и свернул налево на Садовую-Триумфальную.

На Москву опускался теплый, подернутый городской дымкой вечер. Фил спокойно рулил по Садовому кольцу со стороны Курской, лениво рассуждая – уйти правее после моста через Язу или проехать туннелем под площадью и повернуть уже там. Таганка была уже в нескольких минутах езды в неспешном вечернем потоке, когда движение вдруг замедлилось, несколько раз дернулось и встало окончательно. Судя по всему, там, где-то далеко впереди, случилась авария, и теперь оставалось лишь искать возможность вырваться в какой-нибудь переулок или терпеливо дожидаться никогда не спешащее ГАИ. Машина Фила стояла во втором ряду, так что особого выбора у него не было. Покрутив ручки, он опустил стекла передних дверей и откинулся на сиденье, решив с пользой провести время, окунувшись в чуткую, известную каждому водителю во время вынужденных остановок полудрему. А что еще оставалось делать? Радио слушать за день поднадоело, да и без него шума кругом хватало. Из соседних машин и со стороны тротуара доносились обрывки разговоров, сливаясь в его сознании в какой-то абсурдный спектакль. Из кафе на первом этаже дома, напротив которого он застрял, голосили Иванова и Апина:

«Америкэн бой, я хочу быть с тобой!»

В окнах мелькали тени весело отплясывающих разновозрастных людей.

«Ну, девки-то ещё понятно, им пускай хоть паук марсианский, зато с баксами, – размышлял Фил, которого теперь

эта песня раздражала неимоверно, – А мужики-то куда? Им открытым текстом сообщают, что они полное ничтожество в сравнении с любым чмошником из-за рубежа, а они будто бы и не слышат этого...»

Под радостные крики песня закончилась, включили что-то медленное и слащавое, но уже гораздо тише, так что разговоры вокруг превратились из хаоса звуков во вполне осмысленные слова.

– Ты представляешь, Танькиного сына в армию – всё-таки забрали! А он же такой неприспособленный, такой интеллигентный... Их там всех заставляли лежать в какой-то яме, а над ними танк ехал! Ужас, да? Бедный мальчик чуть с ума не сошел, его даже в госпиталь отправили...

«Да, когда танк над тобой – приятного мало, – мысленно согласился Фил, – Хуже, когда он при этом еще и подбит, а его броня – единственное, что защищает тебя от долбящего с горы пулемета. А так-то да, конечно...»

Перед глазами возникла лощина между гор, куда сквозь дрожащее марево утекала изрядно разбитая военной техникой дорога. Сзади дымил, догорая, его «Зил-131», из которого он так удачно вылетел от первого взрыва. И застрявшая колонна, ожесточенно расстреливаемая укрывшимися в «зеленке» духами.

– Живой? – между катков танка появилось грязное от копоти лицо сержанта, – Вылезай. Пулемет в руках держал? Вздрагивая от шелкавших по броне пуль, Фил выполз на-

ружу. У сержанта и впрямь был ПКМ помимо висевшего на плече автомата. Разжать челюсти не получалось, поэтому Фил лишь судорожно кивнул в ответ. Страх вдруг исчез, а вместе с ним и остановилось и время. Кровь на прикладе он лишь смахнул рукой, чтобы не скользило, и стрелял, стрелял по неясным теням в жестких кустах на склоне, замечая мельком, как вокруг образуют кольцо обороны поднятые неутомимым сержантом уцелевшие бойцы...

Фил вздрогнул и открыл глаза. Заснул он, что ли? Всё, как наяву, только не успел увидеть, как выныривают из-за горы наши «вертушки», вспахивая склоны белыми росчерками НУРСов. Потом все внезапно закончилось, и он долго не мог разжать пальцы, чтобы выпустить раскаленный пулемет из рук. А дальше они ехали на броне уцелевшего бэтэ-эра, и Фил впервые прикурил предложенную сержантом сигарету...

Но сейчас-то он в Москве, и та война кажется уже полузабытым дурным сном, от которого остался лишь голос сержанта. Улица Земляной вал, еле шевелящаяся пробка, вечер...

Вокруг явно что-то происходило, несколько человек даже вышли из машин и стояли рядом, всматриваясь в сторону Таганки. Но тут стоящая справа Тойота продвинулась на полкорпуса, и Фил, резко вывернув руль, смог нырнуть к тротуару, а оттуда – в переулок. Можно и через Яузские ворота проехать, бешеной собаке семь верст не крюк. И с чего ему

вдруг эта война приснилась? Впрочем, минут через десять он об этом уже забыл.

Проснувшись этим утром по будильнику, Паша быстро собрался, наскоро перекусил и пошел к подвалу. Что за черт, он снова был закрыт! Где же Костик? Паша порылся в кармане и вытащил запасной ключ с веревочным кольцом, чтобы не потерялся. За все время он не пользовался им ни разу, поскольку его компаньон и приходил раньше и уходил позже. Ну-ка...

Ключ даже не вошел в замок! Надев очки и приглядевшись, Паша сообразил, что он и не мог подойти – замок не соответствовал данному ключу никак. Даже тип был разный. Это что же, Костик сменил замок, а ему не сказал? И что ему теперь делать?

Вернувшись домой он снял трубку и, немного поколебавшись, набрал домашний номер друга.

– Алло? Вера Ивановна? Здравствуйте! А Костик дома?

– Здравствуйте... Паша, это ты? Нет, он на работе. Впрочем, я его с утра не видела. Наверное, рано ушел. А что случилось?

– Нет-нет, все нормально... до свидания, Вера Ивановна.

Да, это вообще не о чем. Родители Костики про бизнес не знали, искренне считая, что он трудится в каком-то очень секретном исследовательском институте. Ну, или просто хотели в это верить.

Делать было нечего, оставив сумку на этот раз дома, Паша поехал по привычному маршруту собирать выручку с реализации видеопродукции. Странная пропажа Костика сделала его подозрительным, так что он даже очки не снимал, постоянно оглядываясь по сторонам. И потому сразу определил, что странностей стало значительно больше в сравнении с предыдущим днем. На него смотрели, как на внезапно появившееся привидение, хотя положенную часть денег отдавали молча и без вопросов. Но и о новых поступлениях при этом не спрашивали. Кое-кто сочувственно кивал. Паша терялся в догадках.

Вернувшись домой во второй половине дня, Паша пересчитал имеющиеся у него на руках средства и нахмурился. Ни о какой отдаче кредита не могло быть и речи, прожить бы до конца месяца на это. До этого вся выручка собиралась «в офисе», то бишь у Костика, но его нет, а Паша-то есть!

– На счетах щелкают убогие копейки... – пробормотал он, бесцельно шатаясь по квартире, бессмертные слова Саша Черного.

Автоответчик сочувственно подмигивал ему красным огоньком.

«Стоп! Если он мигает, значит, мне кто-то звонил! Костик?»

Паша рванулся к автоответчику и нажал кнопку «Play».

– Пашка, это я, Влад! Подойди к телефону! Тебя дома нет,

что ли? Учитель звонил, встречу назначил! Я тебе еще перезвоню перед выходом!

Ту-ту-ту... Биип...

– Пашка, да возьми ты трубку, черт! Я уже выезжаю! Ну и ладно, потом тебе расскажу...

Щелк. Тишина.

Паша проверил еще раз, но больше звонков не было.

«Вот же отстой! Когда не надо, так пожалуйста. А когда надо – хрен!»

Раздосадованный, он пошел на кухню и вскипятил чайник. Затем поковырялся в холодильнике и сварганил себе незамысловатый обед. Неспешно закусив, он вернулся к дивану, прихватив чашку чая и решив провести остаток дня за томиком Шекли, раз уж ничего сегодня не получается.

Он уже прочитал до середины «Билет на планету Транай», когда телефон затрезвонил снова. Паша схватил радиотрубку:

– Аллë? Аллë?

– Пашка, это ты? – голос Владика звучал так печально, будто у него умерли все друзья и родственники разом, – Пашка, помоги мне!

– Да что с тобой? Где ты?

– Пашка, у тебя нет запасных штанов с рубашкой, хоть каких-нибудь? Ну, и на ноги что-нибудь...

– Тебя ограбили что ли? Сам-то цел? Не покалечили?

– Да цел я, цел... – ответил Владик, но как-то уныло, – Ты

и вправду приедешь?

Показалось, или из трубки донесся женский смех?

– Приеду. Говори, куда.

Паша записал адрес и озадаченно почесал макушку. Рязанский проспект, не ближний свет. Ну ладно, раз уж обещал. Выудив из шкафа протершиеся вельветовые брюки, относительно целую рубашку и старые кеды, он сложил их все в ту же сумку и пошел выручать друга.

Фила на улице нигде не было видно, да и, впрочем, не было и никакой уверенности, что стоило впрягать его в это дело.

Выйдя на площадь, Паша сел в подошедший троллейбус и сразу устроился на свободном месте у окна, размышляя о том, в какие эзотерические несчастья мог попасть восторженный неофит. Задумавшись, он не заметил, как в мире что-то изменилось, а подняв голову – вздрогнул.

Огромное, во все окно троллейбуса, на него смотрело жуткое сине-белое женское лицо, пронзая его таким взглядом, что хотелось вывернуться сквозь закрытые двери наружу и бежать, бежать, не разбирая дороги...

Паша дернулся, стукнулся коленом о переднее сидение и выдохнул, глядя как отъезжает в сторону трамвай с надписью «Джуна Давиташвили» по всему борту.

Уфф! Он потряс головой, пытаясь отдышаться. Все нормально, троллейбус катится себе по Нижегородской улице, мужики на задней площадке обсуждают «подосрал Мишка

или не подосрал», нисколько не углубляясь при этом в причины поступка неведомого Мишки.

«Вот он, привет от Владика со всей его чертовщиной. Стоит подумать и она уже тут! Так и свихнешься на пустом месте!»

Троллейбус промчался через эстакаду, за окном замелькали невысокие дома Рязанского проспекта. Вроде бы тут...

Паша вылез на остановке, осмотрелся, разглядывая записку, определил направление и пошел, петляя между заросшими палисадниками и детскими площадками. Нужный дом обнаружился во втором ряду от проспекта, как он и предполагал.

Дверь открыла светловолосая женщина лет тридцати с лишним в домашнем халате и шлепанцах.

– Здравствуйте... – неуверенно начал Паша.

– Это ты Павел, да? Проходи в залу, вон там твой друг сидит! – женщина засмеялась.

Паша прошел в квартиру и остановился, изумленно разглядывая кутающегося в простыню с каким-то штампом Владика. Потом с некоторым подозрением посмотрел на женщину.

– Ну да, что тут скажешь! – продолжала веселиться женщина, – Неловкая ситуация! Ладно, не буду вас тут смущать. Переодевайся, Владик, я на кухне подожду.

Женщина вышла, и скоро с кухни послышалась песенка закипающего чайника.

– Как ты сюда попал? – спросил Паша, – Или это входит в курс обучения тайному мастерству?

– Нет... Я вообще не сюда ехал. Вернее не совсем сюда, это за три дома отсюда находится...

– Что находится? Храм тайных знаний?

– Сауна там находится. – Владик отвернулся, – Я сразу не понял, думал что так и надо. Разделся, жду. Тут он заходит, а он... а у него...

– Короче, решил он развить тебе чакры, начиная с нижней. А ты не согласился, что ли? Может, так и надо? Учитель передает тайные знания ученику через эту, как ее, Сва... хва...

– Ты-то хоть не прикалывай! – взвыл Владик, путаясь в штанинах, – сперва от Наташи всё это выслушивал, теперь от тебя началось!

– Наташа – это она? – Паша мотнул головой в сторону кухни, – Хорошо, что ты тут кого-то знаешь.

– Да не знал я ее! Она меня во дворе каком-то подобрала, когда я в одной простыне из окна выскочил!

– Бывают же такие замечательные женщины! А могла бы кирпичом в тебя кинуть, и никто бы её за это не упрекнул. Ладно, говори хозяйке спасибо и поехали домой.

– Ой, мальчики, вы уже уходите? А чаю попить?

Заглянувшая в комнату Наташа смотрела меж тем на одного лишь Владика, так что Паша все понял без подсказок.

– Да, Владик, попей чайку. Штаны потом отдашь. Звони,

если что.

– Да, но...

Но Паша лишь похлопал друга по плечу, подмигнул Наташе и вышел из квартиры. По его мнению, для обормота Владика день закончился более, чем удачно.

Оглянувшись по сторонам, не бегают ли всё ещё где-то по дворам злой экстрасенс, он отправился обратно к остановке.

Паша, возвращавшийся домой на троллейбусе, стоял на задней площадке у окна и мрачно разглядывал бесконечную пробку, в которой они застряли, похоже, наглухо. Пассажиры недовольно бурчали, потом кто-то начал стучать в дверь кабины водителя. Послышался разговор на повышенных тонах, в результате которого водитель, видимо, снял с себя всякую ответственность и открыл двери. Люди начали выходить наружу, и, петляя между машинами, выбираться на тротуар. Через несколько минут в салоне оставались лишь самые стойкие и упрямые. Паши среди них не было, повесив свою сумку лямками на плечо, он уже шагал в сторону площади, разглядывая издали собравшуюся там толпу, освещенную сполохами милицейских мигалок.

«Опять митинг какой-то, что ли? Не надоело им еще?»

Обходить было лениво, да и стояли люди неплотно, молча вглядываясь куда-то в сторону милицейских машин. Паша протиснулся раз, другой, и вдруг, неожиданно для себя оказался прямо перед жидкой цепочкой стражей порядка.

Нет, это был не митинг. Напротив него, уткнувшись вздыбленным капотом в фонарный столб, застыла серебристо-зеленая «семерка» БМВ, двери которой были усеяны вогнутыми дырами от пуль. А за ней... За ней стоял черный «Гелик» без стекол с такими знакомыми номерами «777»... Внутри него, в свете уличных фонарей чернело какое-то кровавое месиво. И тонкая девичья рука, свисавшая из приоткрытой дверцы. Паша почувствовал, как у него отнимаются ноги.

«Аня...»

Он смотрел на эту руку несколько секунд в полном ступоре, забыв даже, что нужно дышать. Потом рванулся вперед, прямо через оцепление, напрямик.

– Стой ты, дурак!

Паша чуть не упал от резкого рывка в обратную сторону. Его плечо оказалось как в тисках зажато крепкими пальцами невысокого черноволосого сержанта.

– Умереть хочешь? Там граната неразорвавшаяся лежит. Саперов ждем.

– Там... – Паша сглотнул.

– Знаешь кого-то из них? – с интересом посмотрел на него милиционер.

– Девушку... Одноклассницу... Она же ранена!

– Нет там раненых. Наповал все.

Сержант сочувственно кивнул и отвернулся, так и не выпустив Пашину руку.

– Аллюяров, что там у тебя? – окликнул его стоящий возле милицейской машины лейтенант.

– Говорит, что девчонку знает!

– А остальных?

Паша судорожно замотал головой. Все это время он пытался отвести взгляд от страшного содержимого «Гелендевагена» и главное – от чуть заметно покачивающейся руки.

– Запиши фамилию, и пусть идет отсюда на!

– Горелов... Павел Владимирович. – Паша снова судорожно сглотнул.

– Иди. Лучше водки после такого выпей.

Сержант Аллюяров неожиданно дружелюбно похлопал его по плечу, после чего развернул Пашу в обратную сторону и слегка подтолкнул в спину.

Не оборачиваясь, Паша добрал до уже закрытого «Гастронома», где купил у какого-то мужичка бутылку явно палёной водки и начал пить ее прямо там, на улице. До дома он добрал уже мало что соображая, на автопилоте, и рухнул на диван, даже не проверив, закрыл ли он дверь. Ему снилась Аня, которую он держал за руки и не хотел отпускать от себя. Девушка смотрела на него молча и грустно, затем высвободила руки и вдруг мягко поцеловала его. И в тот же миг он понял, что никого с ним рядом больше нет.

Утро. Тяжелое похмельное утро, какое бывает лишь после отвратительной поддельной водки. Паша потянулся и застонал, чувствуя, как в голове его накатывает грохочущий прибой. С трудом дойдя до кухни, он долго пил прямо из-под крана, затем сообразил про байеровский аспирин и растворил в чашке сразу две таблетки. Еще минут десять на кровати – и ему стало немного лучше. Во всяком случае, он даже смог подумать о том, что же именно его разбудило. В квартире было сумрачно и тихо, лишь через открытую форточку со двора доносились отголоски женской ссоры:

– Ты украла моего котика!

– Нет, не крала!

– Люди видели, как ты его схватила и унесла!

– Я его спасла! Он страдал! Он так на меня смотрел, так смотрел...

– Кто страдал? Эта скотина? Да он жрет лучше, чем я!

– Вот! Ты назвала котика скотиной!

И всё в таком духе...

Паша страдальчески морщился, но встать и закрыть форточку у него не находилось сил. Потом он посмотрел на радиотрубку телефона, валявшуюся у кровати. Кто-то звонил? Да, но сообщений не оставил. Наверное, Владик. Да и лад-

но...

Телефон зазвонил снова, отозвавшись в голове мучительной болью.

– Аллё-о?

Он хотел было добавить «мля», но с трудом удержался.

– Алло, Павлик? Это Вера Ивановна, Костина мама. Ты не видел Костю?

– Нет, не видел, – Паша почувствовал, что похмелье куда-то исчезает, – Уже два дня. Или... больше.

– Мы не знаем, что и думать... Наверное, пойдем сейчас в милицию заявление писать. Павлик, если вдруг что узнаешь про Костю – умоляю тебя, позвони нам!

– Конечно, конечно, Вера Ивановна...

Он спустил ноги на пол, обхватил голову руками и задулся. Костик исчез, подвал заперт, спросить некого. В то, что милиция станет кого-то искать, он не верил ни секунды. Что же делать...

Как мог, умывшись и тщательно прополоскав несколько раз рот, он подошел было к холодильнику, но еда вызывала сейчас у него искреннее отвращение. Надо выйти на свежий воздух, должно стать лучше...

Еще было достаточно рано, из подъездов выходили люди, спешили куда-то по своим делам. Проехал мотоцикл, отозвавшись тяжелым звоном в Пашиных ушах. Кто-то приветствовал его, он машинально махал рукой в ответ, толком даже не понимая кому. В соседнем дворе возле фырчащей мо-

тором машины стоял Фил, что-то объясняя кудрявому Диме из крайнего подъезда.

– Son of a bitch, kiss my ass? Это значит «Сукин сын, поцелуй меня в жопу». Да, именно это они и поют.

– А «Life is strange» – что такое?

– Сраная жизнь.

Во всяком случае, Паше показалось именно так. И он подумал, что Фил здесь совершенно прав.

Так, незаметно для себя, он добрал до подвала и радостно оживился, увидев приоткрытое окно, за которым слышался чей-то разговор.

«Костик!»

Чуть не свалившись на ступеньках, он врезался в дверь и застучал по ней кулаком. Голоса стихли, затем дверь распахнулась. Паша открыл было рот, но так и остался стоять с отвисшей челюстью, глядя на коренастого чернобородого кавказца, перекрывавшего плечами весь дверной проем.

– Что хотел?

– Эээ... А тут раньше был... – Паша безуспешно пытался заглянуть кавказцу за спину, но у него не получалось.

– Быль – сплыль... – равнодушно ответил тот, собираясь закрывать дверь.

– Мила ву цигахь? – спросили из глубины подвала.

– Орсийн...

Коренастый повернулся к невидимому собеседнику и что-то уточнил на неизвестном языке. Затем сдвинулся в сторону

и даже чуть подтолкнул Пашу внутрь подвала:

– Слишь, да? Иди туда, а?

Паша вошел, оглядываясь по сторонам. Самодельная стойка с отключенной аппаратурой была сдвинута к стеллажам, на которых стояли теперь какие-то картонные ящики. А в любимом кресле Костика восседал высокий носатый мужчина с аккуратной рыжеватой бородкой. Он с интересом смотрел на Пашу, хотя и чуть заметно поморщился, уловив остатки вчерашних возлияний.

– Привет. Кого-то ищешь? – спросил он без всякого акцента.

– Да, тут раньше был... Ну, это... – попытался сформулировать Паша.

– Про это ничего не знаю, мы это помещение купили вчера, – развел руками тот, – Вот так, вместе со всем, что тут есть. А ты кто? Курьер? Я тебя вроде видел где-то?

Паша с жаром закивал головой, сообразив, что предъявление претензий на оставшееся имущество может привести к непредсказуемым результатам.

– Это хорошо. Как тебя зовут?

– Витя! – почему-то ответил Паша и сглотнул.

– Ну так вот, Витя. Хочешь работать на нас? Точки ты уже знаешь, а мы тебе еще и новые дадим. Будешь, как и раньше кассеты развозить. Платить будем... неплохо.

Мужчина плавным жестом указал на стеллаж, где и вправду в открытой коробке лежали видеокассеты.

Паша машинально шагнул и взял лежащую сверху кассету. И тут же положил обратно. Потому, что какое бы не было у него с утра состояние, этих кассет за прошедший год он перетаскал немеряное количество и прекрасно знал ощущение пластикового футляра с пленкой в руке. А здесь было не так. Всё не так. Снаружи это было кассетой, а внутри... Он совершенно не хотел знать, что у нее внутри.

– Да понимаете, я ведь уволиться приходил, за расчетом. Работу постоянную нашел... – Паша снова сглотнул, чувствуя, как покачивается подвальная комната вокруг него.

– Жаль! – мужчина с некоторым недоумением пожал плечами, – Но ты не теряйся, Витя. Заходи к нам! Шамиль тебе всегда откроет дверь.

– Да. Обязательно. До свиданья...

Паша попятился к двери, затем протиснулся мимо чернобородого Шамиля и буквально выбежал из подвала.

Не зная, что теперь делать, он добрел до парка Прямикова, рухнул там на скамейку и тупо уставился в асфальт. События последних дней выстраивались в какую-то жуткую цепочку, нарастая лишь от плохого к худшему. И еще попавшая в эту мясорубку Аня...

«Вокруг меня чужие люди, у них совсем другая игра. Им не жаль, что она умерла...»

Когда он поднял голову, солнце уже стояло в зените, периодически скрываясь за легкими светлыми облаками. В кро-

нах деревьев шелестел ветерок, словно нашептывая, что лето прошло и уже на подходе тихая московская осень. По аллеям гуляли мамы с колясками, бегали дети. Жизнь продолжалась.

«И в узелок опять связать надежды порванную нить, и в сотый раз себе сказать, что что-то можно изменить...»

Паша встал, разминая затекшие руки и ноги, потряс головой, прогоняя муть и звон в ушах. Остался один, бизнес накрылся, запас денег минимальный. Что-то надо было делать в любом случае. Например, подыскать себе хотя бы временную работу, пока не подвернется что-нибудь подходящее.

Вернувшись домой, он заварил себе чаю покрепче, откупорил банку тушенки и сварил макароны. Постепенно, от сладкого чая и сытной еды начали появляться силы, и даже вернулась какая-то уверенность, что всё ещё получится. Раскрыв газету «Экстра М», которую использовал до этого лишь в хозяйственных целях, он нашел раздел «Работа», продрался сквозь бесчисленных «Дев на раб б/к» и начал обзванивать объявления, хоть как-то соответствующих его условиям. В следующие пару часов он выяснил, что в охранники его не возьмут, для грузчика он хлипковат, а бегать куда-то за гроши выходило бессмысленно с точки зрения бюджета. Были еще пара мест, где ему так и не сказали, в чем будут заключаться его обязанности, но голос так напоминал интонациями давешнего гуру-экстрасенса, что ехать на собеседования отчего-то не хотелось.

Почесав в затылке, он хотел было встать, но наткнулся взглядом на мамину телефонную книжку, так и оставшуюся лежать на столике рядом с аппаратом.

«Эх, мама, так и не успел я поговорить с тобой...»

Вспомнилось, как он приехал провожать ее на вокзал, и снова накатила грусть.

Но вдруг он встрепенулся от неожиданной мысли. Так, где это может быть? На букву «Л»... А, вот: «Латринская Адочка». Как же ее на самом деле зовут? Аделаида... Семеновна, точно.

Набрав семь цифр номера, он слушал длинные гудки, почему-то заранее решив, что никто не ответит. А, нет, сняли трубку!

– Алло?

– Здравствуйте, это Аделаида Семеновна?

– Да. Но кто вы?

– Это Павел Горелов, я...

– Ах, Павел, сын Лёлечки! Рада тебя слышать! Как твой бизнес? Да что я спрашиваю, наверняка процветает! Ты меня застал в последний момент, мы с мужем уезжаем в Барвиху в гости! Ты их, может быть, знаешь, такие богатые люди, такие богатые! Саша Блинов, хозяин «Гала Рекордз» обещал привезти с собой Пугачеву. Ты же с ним наверняка знаком, да? Да что я спрашиваю, вы же в одной сфере вращаетесь. А еще там будет...

– Аделаида Семеновна, извините, я вам один вопрос за-

дать хотел...

– А? Спрашивай, Павел, спрашивай!

– Понимаете, я остался без работы и теперь хотел бы...

Алло? Алло?

Оживление в трубке оборвалось так резко, что Паша с испугом уставился на телефон.

– Сломался, что ли... – пробормотал он, осматривая трубку.

– Павел... – голос Аделаиды Семеновны звучал трагически недоуменно, – Твоя мама говорила мне, что ты владелец студии видеозаписи. Вы меня что, обманывали?

– Нет, всё правильно, я и был... Но теперь...

– Значит, ты не богатый бизнесмен? А я в тебя так верила, так верила! Извини, я ничем не смогу тебе помочь.

Ту-ту-ту... Паша сморщился, словно от горечи последних слов ему свело челюсти. Зря позвонил.

Уже без особого интереса он проглядел еще несколько страниц, и вдруг с изумлением прочитал: «Горелов В.В. рабочий. 203...». Это что же, мама все-таки общалась с отцом, с которым они развелись, когда Паша был совсем еще маленьким? Он вспомнил крупного лысеющего мужчину, который вроде бы даже брал его на руки и кажется, ездил с ним в зоопарк. Или нет. Во всяком случае, номер – вот он, перед глазами. Бери и звони. После Аделаиды хуже точно уже не будет.

Он снова взял трубку и начал нажимать кнопки, стараясь

на этот раз ни о чем не думать и не надеяться. Не получится – и ладно. Может, отец там и не работает давно. Или он какой-нибудь слесарь-алкаш, которого самого содержать нужно...

На этот раз ответили сразу, женский голос, низкий и хрипловатый:

– ТОО «Вектор», слушаю вас!

– Здравствуйте, можно Горелова Владимира Владимировича к телефону? – все же дрогнувшим голосом спросил он.

– Владимир Владимирович сейчас занят, как Вас представить?

– Я Павел Горелов, его сын...

– Павлик?! Надо же, такой взрослый голос! Сейчас я вас соединю.

«Кто это? Откуда она меня знает?»

И тут же – мужской голос, словно всплывший из детских воспоминаний:

– Алло? Павлик? Здравствуй, сынок. Твоя мама уехала, и ты решил мне позвонить? Правильно сделал.

– Здравствуй... папа. Можно мне с тобой поговорить?

– Конечно, сынок. Хочешь, подъезжай ко мне в офис. Это в центре. – и он назвал адрес буквально в паре минут ходьбы от Кремля.

– Хорошо, через полчаса – нормально? Я выезжаю!

Быстро надев на себя то немногое, что могло называться

приличной одеждой – пиджак с выпускного вечера и брюки, Паша выскочил на улицу и побежал к метро. Отец, которого он не видел больше десяти лет, ждет его в офисе. У него есть секретарша, он не последний человек в фирме, и он ждет его, Пашу! И чего только мать никогда не желала даже говорить о нем?

На «Арбатской» он взбежал по эскалатору вверх и пошел по Воздвиженке, читая названия переулков. А, вот оно, то, что надо! Старинный дом, некогда жилой, а теперь весь скупленный под офисы. Широкая каменная лестница со ступенями, отполированными за сотню лет до блеска. Дверь, хотя и без вывески, но солидная, с медными цифрами номера. Он позвонил, и замок сразу шелкнул, открываясь.

Немолодая женщина с грубоватым лицом, сидящая за столом с пишущей машинкой и стопками документов там и сям встала ему навстречу, широко улыбаясь:

– Надо же, вырос-то как! Ну, проходи – папа ждет тебя! – и указала на дверь с табличкой «Генеральный директор».

«Да ведь я же ее знаю! Что-то такое, из детства...» – по спине пробежали мурашки.

А отец уже стоял в дверях, протягивая к нему руки и покачивая головой:

– Павлик, надо же! Совсем взрослый сын! Ну проходи же, устраивайся в кресле, рассказывай! Сейчас Любовь Петровна нам чаю принесет. А ты говори, говори! Что делаешь, какой класс закончил? Хотя ты же, наверное, уже не в школе,

да?

– Конечно, я её закончил! – немного удивился Паша, – Не могла же мама меня здесь одного в школьном возрасте оставить.

– Ну да, ну да. Так что же ты делаешь? В институте учишься?

– Нет, папа. Как бы тебе сказать...

Паша обвел взглядом обшитый дубовыми панелями кабинет, кожаную мебель вокруг монументального стола, потрянул головой и начал рассказ об их бизнесе с Костиком, планах, неудачном поступлении в МИИТ. Папа слушал внимательно, кивал головой, потом начал хмуриться, когда Паша перешел к событиям последней недели.

Любовь Петровна принесла чай в маленьких чашках, и папа задумчиво сделал большой глоток.

– Ну что же, я рад, что ты больше этим не занимаешься. С бандитами связываться – последнее потеряешь, а то и жизнь заодно. Теперь тебе надо выбрать другой жизненный путь, правильный.

– Папа, а ты не мог бы мне немного помочь?

– В выборе пути? Спрашивай, я с удовольствием отвечу.

– Нет, я не о том. Нет ли у тебя для меня какой-нибудь работы.

– Работы....

Отец окинул его взглядом, что-то соображая.

– Монтажником на крышу ты явно не полезешь... Ага,

есть одна мысль! Ты же вроде бы немецкий язык в школе учил?

Паша неуверенно кивнул. Язык-то он учил, но вот с практикой у него был полный ноль. Если папа сейчас поручит ему переводить на каких-нибудь переговорах, это будет полный провал.

– Вот, смотри! Я тут биржу прикупил. В смысле, не финансовую биржу, а бревна, доски, в общем – пиломатериал. Хочу теперь у немцев современную лесопилку приобрести. Сможешь перевести?

Отец вытащил из стола пачку разноцветных листов толщиной с «Капитал» Карла Маркса. У Паши отлегло от сердца.

– Думаю, что смогу. А сроки, оплата?

– Как закончишь – приезжай. Но не затягивай. Положу тебе сто долларов.

«Так, работы тут примерно на неделю, сто долларов – очень даже нормально!»

Отец нагнулся и выудил из-за стола полиэтиленовый пакет, в котором угадывалась палка копченой колбасы, половина бруска сыра и еще какие-то вкусности.

– Это тебе, чтобы штаны не спадали. В общем – приезжай, звони, не стесняйся. Буду рад.

Попрощавшись с отцом, Паша вышел в приемную, стараясь не выронить разъезжающуюся во все стороны пачку листов с описанием заграничной лесопилки. Любовь Петровна

покачала головой и вручила ему большую картонную папку с завязками, куда он смог, наконец, нормально все уложить, даже место осталось.

В отличном настроении он вернулся домой, решив начать работу над переводом прямо сейчас, не откладывая. Жизнь снова стала казаться вполне приемлемой штукой.

Этот же самый день начался у Фила совсем обычно, не предвещая никаких приключений. Так же, как и каждый день, в последние полгода, он завел машину и начал краткий ее осмотр на предмет возможных сюрпризов. В общем-то, делать это было не обязательно, но армейская привычка давала о себе знать, да и старая «четверка», пусть и перебранная им буквально заново, могла изредка выкинуть что-то этакое.

Он уже долил воду в бачок омывателя и захлопнул капот, когда к нему подошел его друг Дима.

– Фил, привет! Говорят, ты стал в английском нормально шарить?

– Привет. Учю понемногу, а что?

– Переведи мне смысл некоторых песен, а? Пацаны всякое говорят, а я реально знать хочу.

– Ну давай, если я их слышал, конечно.

Пять минут ничего не решали, отчего бы человеку не помочь?

– Вот, например, «Акцент» – ты его точно слушаешь...

И «Accept» и «Judas Priest» он знал, даже в машине пара кассет валялась для прослушивания в пробках, так что отвечал он сразу и не задумываясь.

Поглядывая по сторонам, он заметил плетущегося куда-то Пашу, похожего на унылого зомби из фильмов Ромеро. Фил хотел окликнуть его, но Дима задал очередной вопрос:

– А вот песня «Мост смерти», знаешь её? Правда, что там о парне, который пошел искать смысл жизни, но встретил колдуна, сошел с ума и умер?

– Не совсем...

Фил обернулся, ища взглядом Пашу, но тот уже куда-то исчез.

А день продолжился стандартным: «хлагокомбинат – погрузка – объезд торговых точек с перекусом где-то по дороге» и так далее, и тому подобное. Ничего интересного.

И лишь заворачивая к себе во двор, где он собирался поставить машину до вечера на прикол, Фил вдруг увидел куда-то бегущего с крайне озабоченным видом Шурика.

«Что это с ним?»

– О, Филя! Как ты кстати! Подкинешь меня, а?

– Куда? – удивился Фил, посмотрев машинально вверх.

– Как это – куда? В ментовку! Андрюху арестовали!

Андрей, который был одноклассником Шурика, сильно увлекался историей Великой Отечественной войны и по этому поводу держал дома неисчислимое количество артефактов, собранных им лично по местам боёв, либо выменян-

ных на толкучках. На виду лежало всё безопасное, типа про-
ржавевших касок или солдатских котелков, хотя, по общему
убеждению, где-то были вещи и посерьезнее.

– За что?

– За пулемет! Он его в метро вез, там его и повязали!

Такого Фил не ожидал. Да, бывало, Андрей ездил на
встречи реконструкторов с огромным двуручным мечом по
имени «Писистрат» в честь афинского тирана, но сочетание
понятий «метро» и «пулемет» было слишком даже для него.

– У него дома обыск был, но мы с его братом успели все
унести! – объяснял Шурик, пока они мчались в 37-е отделе-
ние милиции на Динамовской улице.

Чем они могли помочь другу, не знал в тот момент ни тот
ни другой, но лишним свое присутствие они не считали, ибо
мало ли как там дело обернется.

Остановившись у хорошо знакомого всем мальчишкам
здания, оба взбежали по лестнице наверх, и пошли по кори-
дору от двери к двери, прислушиваясь к доносившимся от-
туда звукам.

– Здесь! – сказал вдруг Шурик и заулыбался.

А через мгновение улыбнулся и Фил, услышав донося-
щийся оттуда спор.

– Пулемёт отдайте! – слышался спокойный Андрюхин бас.

– Прикалываешься? Радуйся, что тебя вообще не посади-
ли!

– За что? За массогабаритный макет? Давно ли они неза-

конными стали? Эксперт вам что сказал?

– Да, сказал. Сегодня ствол рассверлен, а завтра – нет. И гранаты эти...

– Оболочка одна.

– Так ее можно серой от спичек набить и в правительство кинуть, ты это понимаешь?

– Да вы всем отделением эти спички строгать будете, и то ни черта не выйдет! А еще к каждой трубе по милиционеру приставьте, да еще и по чекисту для комплектности – вдруг кто-то додумается серой набить?

– В общем, всё уже решено – твой пулемет мы конфискуем для музея на Петровке.

– Частного, небось? На даче у генерала стоять будет?

– Ну, ты и нахал!

Голоса в кабинете загомонили одновременно, затем дверь распахнулась и оттуда вышел, хотя – скорее был вытолкнут, крайне недовольный Андрей. Коротко стриженные волосы стояли дыбом, борода воинственно торчала вперед, для хрестоматийного образа разъяренного Карабаса-Барабаса не хватало только цилиндра на голове.

– Так и не отдали! – возмущенно сообщил он уставившимся на него друзьям.

– Тебя выпустили, что ли? – удивился Шурик.

– А что мне там делать? И без того полдня в цугундере просидел!

– Во как. А мы-то уже собирались узнавать, куда тебе пе-

редачки носить.

Но Андрей лишь поморщился, махнул рукой и потопал вниз. Потеря пулемета его явно расстроила.

– Что за пулемет-то? – спросил Фил, когда они выехали на Воронцовскую.

– Максим. Отлично сохранившийся, между прочим.

– На каждый вопрос есть четкий ответ – у нас есть «максим», а у них его нет, – процитировал Шурик английского классика.

– Теперь это именно у нас его нет...

– А что ты его в метро-то потащил? – поинтересовался Фил.

– А я тебе звонил! Только ты уже уехал к тому времени, наверное.

– Гм...

Фил вспомнил, что когда запирает дверь квартиры, вроде бы слышал телефонный звонок. Но отпирать обратно уже не стал. Знать бы, чем решения твои обернутся...

– Зачем он тебе вообще понадобился?

– Ты чего, он такой классный был. Берешься за его ручки... Ты сам-то пулемет в руках держал?

– Держал... – буркнул Фил.

«Пыльная дорога, уходящая от перевала вниз. Горы понемногу отступают назад, выпустив сильно поредевшую колонну российской армии. Вертушки уже улетели, выполнив свою задачу. Он сидит на броне уцелевшего бэтээра, так и не

выпустив пулемета из рук. Именно тогда некурящий до этого Фил и принял предложенную сержантом сигарету. И нагнулся, чтобы прикурить от спрятанного в ладонях от ветра огонька одноразовой зажигалки. Он в тот момент не понял, что произошло, лишь дрогнули руки, и огонек исчез. И только распрямившись, он увидел, как медленно начинает сползать вниз сержант с черно-красным пятном на лбу, которого не было еще всего один миг назад. Фил вскинул пулемет, но стрелять было не в кого. Откуда прилетела пуля, так никто и не понял...»

– А мы куда, собственно, едем?

Голос Шурика выдернул его обратно в реальность. Москва, Таганка, и он чуть было не проехал мимо дома. Фил притормозил и свернул во двор.

Всю неделю Паша провел, практически не выходя из дома, продираясь через бесконечные «Querförderer», «Kreissäge» и примкнувшее к ним «Schnittholz». В оставленных мамой словарях ничего подобного не было, поэтому он разбирал слова по частям, после чего подыскивал русские аналоги, примерно представляя себе процесс производства, внутренне опасаясь написать где-нибудь очевидную для специалистов лажу. Но выходило, вроде бы, вполне складно. К концу работы он уже начал понимать, как все устроено в промышленной переработке древесины, чему сам был немало удивлен. Наконец, он дописал последний лист, прикрепил его скрепкой к оригиналу и с гордостью уставился на свою работу. Получившаяся стопка распухла и умещалась в подаренной папке с большим трудом. Очень хотелось поделиться с кем-нибудь радостью, но время было позднее, отец однозначно был уже не на работе, а домашнего номера он почему-то так и не дал. Паша решил лечь спать пораньше, чтобы встав с утра, сразу поехать к отцу в офис. Но от волнения он долго ворочался, не мог заснуть, и провалился лишь только уже на рассвете в странный тяжелый сон.

Когда он проснулся, время шло уже к полудню. Заполошно подскочив, Паша бросился умываться, собираться, и даже толком не позавтракав, выскочил из дома.

– Вам пора, вам пора, с вентиляторным заводом заключать договора! – распевал он по дороге немудрящую песенку из рекламного ролика, неизвестно почему всплывшую в памяти.

Приехав в офис, он бросился было сразу к заветной двери, но был остановлен Любовь Петровной:

– Подожди, у него там люди.

При этом она так округлила глаза, что сразу стала понятна вся важность и значительность находившихся у Генерального директора посетителей.

Ничего, подождем, раз так. Паша сел в уголок, сжимая в руках папку.

Потом дверь открылась, из нее вышли двое представительных мужчин с кожаными портфелями в руках, а за ними и отец. Улыбаясь, они прощались, жали отцу руку, а Паша смотрел и представлял себе, как однажды он тоже, так же...

– А, Павел! И ты тут? – обратил на него внимание отец, – Заходи.

Паша вошел и гордо положил на стол папку с плодами своих многодневных трудов.

– Что, какие-то проблемы с переводом? – отец, не глядя на него, рылся в столе, – Не получилось?

– Всё получилось! Принимай работу!

– Да?

Отец открыл папку и недоверчиво просмотрел несколько листов.

– Кажется, ты и вправду сделал. Не ожидал, что ты так быстро справишься.

Паша гордо кивнул.

– Ну ладно, а я смотри, что тут нашел! – и он протянул Паше серенькую Сберегательную книжку старого образца, – Это тебе бабушка оставила. Она открыла счет на предъявителя, когда ты только родился.

Паша открыл книжку, удивленно перелистнул страницы, на которых были написаны еще чернилами довольно приличные суммы. Вернее, это были очень приличные суммы – тогда, перед тем, как страну накрыл бурлящий вал реформ, и цены стали считать в миллионах. Но в самом начале девяностых, когда мама потеряла работу, и они остались без средств к существованию, эти деньги стали бы огромным подспорьем для них. Он тогда пытался протирать стекла машин на перекрестке, как призывала реклама Альфа-Банка, но его жестоко избили старшие пацаны, обозленные, что какой-то шкет отнимает их заработок. Да много еще чего было тогда, и вспоминать не хочется.

– Папа, а почему...

– Раньше я тебе её отдать не мог, ты бы истратил все деньги на какую-нибудь ерунду, но теперь я вижу, что ты стал разумным человеком, сынок.

«Ага. И смогу купить на всю сумму пачку не самых дорогих сигарет...»

– Ты что-то сказал?

«Нет, только подумал».

Паша отложил книжку в сторону.

– Папа, раз я закончил работу, я могу получить оговоренные нами деньги?

– В смысле – деньги? Зарплата у нас по пятым числам. Тебе еще надо будет оформиться, завести трудовую книжку. Любовь Петровна покажет, к кому надо подойти.

Паша уставился на отца, не веря своим ушам.

– Не понял, сто долларов – это моя зарплата? В месяц?

– Ну да, по курсу. А ты как хотел – в день?

– Но это же невероятно мало, за такие деньги никто не работает!

– Но я не могу платить своему сыну много, меня люди не поймут.

– Какие еще люди? А жлобство твое они поймут и одобряют?

– Путька, ты на кого хвост поднимаешь? Богатеньким стать захотел?

Паше показалось, что он находится на сцене в театре абсурда.

– А ты, похоже, всю жизнь мечтал прожить в честной бедности.

Он сделал жест, словно указывая на дорогой кабинет с кожаной мебелью, отцовский костюм от «Hugo Boss», часы «Омега» на руке и дорогуший мобильный телефон на столе.

Отец хрюкнул и пошел пятнами.

– Ну ладно, хотел это сделать позже, но, пожалуй, лучше сейчас, – произнес он после длинной паузы, – Мы же с твоей мамой квартиру так и не поделили. Я долго ждал, но сейчас я хочу купить дом в коттеджном поселке. Ты тоже сможешь ко мне приезжать на выходные...

«Ах, вот оно что...»

– Спасибо, папа. Сто долларов оставь себе.

Паша развернулся и пошел к выходу из офиса. Любовь Петровна дернулась было в его сторону, но он молча обогнул ее и захлопнул за собой входную дверь. Больше возвращаться туда он не собирался.

На улице, по дороге к метро, он немного остыл. Сейчас ему очень требовалось что-то хорошее, привычное, что перебило бы весь поток негатива, захлестнувший его с головой в последнее время. Ну, например... Он посмотрел на часы и улыбнулся. Заседание «Трамвайного общества» должно было начаться через полчаса, а от «Арбатской» до «Электрозаводской» ехать всего ничего, четыре станции. Заодно и у ребят насчет работы поспрашивает.

Все еще улыбаясь, он поднялся по лестнице и остановился, разглядывая незнакомую ему дверь, на которой не было никакой таблички. Он что, не туда зашел? Да нет, вот же нарисованный на стене трамвайчик, которым пометил их помещение Юра, еще в самом начале.

Паша потянул за ручку, и незапертая дверь распахнулась. В ничуть не изменившейся прихожей теперь стоял стол с милостивой блондинкой за ним, а рядом пристроился, облокотившись, плечистый парень в пиджаке.

– Вы к кому? – спросил парень, вставая ему на встречу.

– Извините, тут раньше было... – Паша замялся, не зная, как правильно сформулировать вопрос.

– Теперь тут офис.

Дежа вю. Паша повернулся и вышел, не сказав ни слова.

У Фила в этот день все шло как-то совершенно ненормально. Машина завелась с третьей попытки и регулярно дергалась, когда он сбрасывал газ перед торможением. Накладные на хладокомбинате выписали с ошибкой, и ему пришлось бегать переделывать их, чтобы получить искомые ящики с мороженым, переложенные сухим льдом. Потом, когда он выруливал на набережную Язуы у Костомаровского моста, он завяз в пробке из-за какой-то нелепой аварии впереди. Когда же он доехал до спорткомплекса МВТУ, то выяснилось, что заведующая столовой Марина, которая должна была принять у него товар, уже отсутствовала, и приедет ли снова – никто не знал. В результате, прождав около трех часов, в течение которых мороженое понемногу таяло, а донельзя раздраженный Фил развлекал себя придумыванием подходящих моменту стихов в духе «Во дворе стоит машина, а в углу – уборная. Где же, где же ты, Марина...», он плю-

нул на все это и поехал предлагать свой скоропортящийся товар мороженщикам в будках. Те, не будь дураками, прекрасно просекали безвыходность ситуации и сходу требовали скидок, а то и просто реализацию с отдачей денег завтра. В общем, сработал он в лучшем случае в ноль, а с амортизацией и бензином – как бы даже и не в минус.

В общем, настроение было – дрянь. Фил меланхолично рулил в сторону Таганки, вполуха слушая по радио рекламу какой-то очередной чудодейственной «Ринаки», когда увидел на тротуаре знакомую фигуру. Паша медленно шел, загребая ногами, накрепко погружившись в свои мысли, поэтому услышав автомобильный гудок, он испуганно отпрыгнул в сторону, и лишь потом обернулся.

– А, это ты...

– Он самый. Залезай, подвезу!

Паша влез на переднее сиденье и невидяще уставился куда-то в район расхлябанной крышки бардачка.

– Как дела? – спросил Фил, трогаясь с места.

– Дела – херня. – Паша помолчал, затем добавил:

– Не знаешь, почему если тебе помогают, то только чужие, в общем-то, люди, а свои, близкие и родные, поступают всегда совершенно наоборот?

– Трудно сказать... – Фил давно отучился ждать чьей-либо помощи, поэтому вопрос с этой стороны даже не рассматривал, – А что случилось-то? Я же тебя уже неделю не видел, а то и больше.

– Да всё что могло, то и случилось. Такое ощущение, что все, к чему я прикасаюсь, рушится к чертовой матери.

–

Слушай, бывают в жизни неудачи, но, в конце концов, всегда...

«Эй, ты, волосатый! Всё это фуфло!

У нас только в сказках всегда побеждает добро!» – радостно сообщило радио.

Мельком взглянув на кивающего с грустной улыбкой друга, Фил протянул руку и выключил приемник.

– Ну да, конечно... А, пошло оно всё!

Паша махнул рукой, неловко ударившись об дверцу машины.

– Да ладно тебе! Пока ты жив, все можно исправить! – Фил сбросил газ, останавливаясь перед затормозившим грузовиком, и мотор заглох.

– Вот видишь! – Паша горько усмехнулся, – Даже машина твоя не выдержала.

– Да конечно! Я вчера на контейнерной бензоколонке заправлялся, так что не в тебе тут дело.

Но Паша уже вылез из машины и зашагал дальше по тротуару. На выпавшие из кармана и хрустнувшие под ногой очки он даже не обратил внимания. И, когда рядом с ним остановился трамвай, не задумываясь, шагнул в открывшуюся гармошкой дверь с перемычкой в середине...

Открывший капот Фил довольно быстро понял, в чем дело – у замечательного карбюратора ОЗОН с выносным клапаном ЭПХХ растрескалась и отвалилась трубка. Поломка была ерундовой и для этих двигателей достаточно распространённой, поэтому он сразу извлек из инструментального ящика запасной шланг, отрезал кусок нужной длины и начал закручивать хомут. Еще чуть-чуть, и все будет в порядке. А потом он догонит этого нытика и докажет ему, что на самом деле...

Ему показалось, или мимо проехал трамвай?

Филу вдруг стало так страшно, что встали дыбом волосы и на миг отнялись ноги.

«Тревога! К бою!»

Он заполошно оглянулся, но улица словно вымерла. Никого. И Паши – тоже. Бросив машину, Фил побежал по тротуару, заглядывая во все возможные закоулки, и уже понимая, что случилось что-то непоправимое. Он несколько раз окликнул друга по имени, но ничего в ответ не услышал, лишь где-то вдалеке коротко звякнул трамвайный звонок.

Остаток дня Фил не находил себе места, несколько раз подходил к Пашиному дому и звонил в дверь его квартиры, весь вечер набирал его номер, но всё впустую. Потом он лег, но заснуть так и не смог, пребывая в полудреме, заполненной какими-то знакомыми, но вместе с тем пугающими образами.

Уже далеко за полночь Фил неожиданно провалился, словно в омут, в тяжелый сон, в котором вдруг ясно увидел, как старый красно-желтый трамвай съезжает на Госпитальный мост, едет по Малой Почтовой, по Старокирочному переулку, пересекает под прямым углом Бауманскую улицу, через Аптекарский переулок сворачивает на Доброслободскую. И люди оборачиваются, услышав скрежет его колес на поворотах, не в силах понять, откуда взялся этот звук на давно забытых трамвайные рельсы автомобильных улицах. А старый трамвай ехал все дальше и дальше, пока окончательно не растворился и не исчез где-то в Сыромятниках.

Июль 2019. Москва.